

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
PROCEEDINGS. VOL. LVII

THE CREATOR OF CULTURE
MATERIAL CULTURE
AND THE HUMAN SPIRITUAL SPACE
IN THE LIGHT OF ARCHAEOLOGY, HISTORY AND
ETHNOGRAPHY

**To the 80th anniversary
of Professor Dmitriy Glebovich Savinov**

St. Petersburg | 2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ТРУДЫ. Т. LVII

ТВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
И ДУХОВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА
В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ
И ЭТНОГРАФИИ

К 80-летию профессора
Дмитрия Глебовича Савинова

Санкт-Петербург | 2021

УДК 39, 902, 903, 904
ББК 63.3/63.4/63.5

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for print by the Academic Council of IHMC RAS

Редакционная коллегия: к.и.н. М. Т. Кашуба, к.и.н. А. В. Меньшиков, к.и.н. Н. Ю. Смирнов (отв. ред.),
д.и.н. О. С. Советова, д.и.н. А. В. Поляков, В. Б. Трубникова (отв. секретарь), К. В. Чугунов

Editorial board: M. T. Kashuba, Cand. of Hist. Sci.; A. V. Menshikov, Cand. of Hist. Sci.;
N. Yu. Smirnov, Cand. of Hist. Sci. (executive editor); O. S. Sovetova, Dr. of Hist. Sci.;
A. V. Polyakov, Dr. of Hist. Sci.; V. B. Trubnikova (executive secretary); K. V. Chugunov

Подбор иллюстраций и первичная обработка: А. Г. Акулов, Н. А. Лазаревская
Selecting and primary processing of images by A. G. Akulov and N. A. Lazarevskaya

Художественный редактор И. Н. Лицук
Art editor I. N. Litsuk

Рецензенты: д.и.н. А. Р. Канторович (МГУ), д.и.н. И. Л. Тихонов (СПбГУ)
Reviewers: A. R. Kantorovich, Dr. of Hist. Sci. (Lomonosov Moscow State University);
I. L. Tikhonov, Dr. of Hist. Sci. (St. Petersburg State University)

Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов; Ин-т истории материальной культуры РАН. — Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2021. — 756 с.: ил. (Труды ИИМК РАН. Т. LVII).

The creator of culture. Material culture and the human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography: Collection of scientific papers dedicated to the 80th anniversary of Professor Dmitriy Glebovich Savinov / Ed. N. Yu. Smirnov; Institute for the History of Material Culture RAS. — St. Petersburg: IHMC RAS, 2021. — 756 p.: ill. (Proceedings of IHMC RAS. Vol. LVII).

ISBN 978-5-907298-22-4

Сборник научных статей «Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии» подготовлен большим коллективом авторов — археологов, этнографов и историков науки — друзей, коллег и учеников профессора Дмитрия Глебовича Савинова — крупнейшего российского специалиста в области археологии, истории и этнографии скотоводов и кочевников Сибири и Центральной Азии. Географический состав участников сборника и хронологический охват представленных в нем материалов отражают диапазон научных интересов профессора Д. Г. Савинова, широкие человеческие и научные связи этого выдающегося ученого. Коллектив авторов и Институт истории материальной культуры РАН выпускают этот сборник в честь 80-летия профессора Д. Г. Савинова.

The collection of scientific papers “The creator of culture. Material culture and the human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography” was prepared by a large collective of authors — archaeologists, ethnographers and science historians — friends, colleagues and disciples of Prof. Dmitriy Glebovich Savinov, a very prominent Russian expert in the sphere of archaeology, history and ethnography of the herders and nomads of Siberia and Central Asia. The geographic composition of the participants of the publication and the chronological scope of the materials presented in it reflects well the extremely wide range of the scientific interests of Prof. D. G. Savinov and the range of the human and scientific connections of this outstanding scholar. The collective of the authors and the Institute for the History of Material Culture RAS issue this volume in honour of the 80th anniversary of Professor D. G. Savinov.

На обложке: С. И. Сергеев «На перевале (Оваа — жилище духов гор)» из серии тувинских этюдов 1983 г.

Cover: S. I. Sergeev “At the mountain pass (Ovaa — dwelling of the mountain spirits)” from the series of Tuva etudes of 1983

ISBN 978-5-907298-22-4

DOI 10.31600/978-5-907298-22-4

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021
Institute for the History of Material Culture RAS, 2021

© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2021
Authors of the papers (names are marked in the contents), 2021

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ (В. А. Лапшин)	11
ОТ РЕДАКТОРА (Н. Ю. Смирнов)	13
УЧИТЕЛЮ, КОЛЛЕГЕ И ДРУГУ	14
В. В. Бобров. О моем и нашем друге	14
В. И. Молодин. Древности Обь-Иртышья в трудах профессора Д. Г. Савинова. Историографические аспекты	18
А. А. Тишкин. Археологические исследования Д. Г. Савинова на Алтае и в Верхнем Приобье (краткий обзор и воспоминания юбиляра)	27
Приложение: Встреча Д. Г. Савинова со студентами и сотрудниками Алтайского государственного университета (Барнаул, 25 января 2006 г.)	34
Л. А. Чиндина. Дорогому юбиляру с почтением	43
И. В. Калинина. О встречах с Д. Г. Савиновым у коновязи в Архаике	46
Е. Г. Матвеева. Лучший заведующий	49
Н. Ю. Смирнов. Творец культуры	51
ЗАПЕЧАТЛЕННЫЕ ДНИ: Д. Г. САВИНОВ НА ФОТОСНИМКАХ ДРУЗЕЙ, КОЛЛЕГ И УЧЕНИКОВ . . .	53
В СВОЕМ КРУГУ: ЗА ЗЕЛЕНЫМ СТОЛОМ КАФЕДРЫ АРХЕОЛОГИИ СПбГУ	71
В. И. Беляева. Женские статуэтки костёнковского круга	71
К. Н. Степанова. Экофакты, манупорты, артефакты: в чем между ними различия и что к ним можно отнести?	83
Е. А. Черлёнок. Колесничая запряжка начала поздней бронзы в Волго-Донском регионе: относительная хронология погребального обряда и орнаментации псалиев	87
А. М. Бутягин. Боспорские терракотовые фигуры в виде повозок из коллекции Государственного Эрмитажа	101
В. Н. Седых, Я. В. Френкель. О цветном металле Тимерёвского поселения (по результатам раскопок 1970–1980-х гг.)	112
PERSONA GRATA	133
А. В. Литвинов. Борис Леонидович Богаевский — филолог, археолог, историк, искусствовед, профессор, ректор Томского университета	133
С. В. Кузьминых, Е. В. Детлова. «Ваше мнение и все замечания относительно моих соображений я приму с громадной благодарностью». Письма С. А. Теплоухова и Г. Мергарта	137
Б. Б. Овчинникова, В. В. Сумин. Владимир Яковлевич Толмачёв: судьба археолога	163
ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ	178
А. В. Соколов. Рельеф как внешний фактор в развитии традиций полукошечного скотоводства народов Алтае-Саяно-Хангайского нагорья и тьянь-шане-восточно-туркестанских гор	178
В. М. Лурье, И. П. Лазаретов. Древние поселения Хакасии. Бырганов IV	188
В. В. Бобров. О камнях-обелисках, деревянных столбах и изваяниях в погребальной практике древних народов Евразии	199

<i>А. В. Громов, Н. И. Лазаретова.</i> Краниологические материалы из раннетагарских курганов Могильной степи	211
ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРЫ	224
<i>Т. Р. Садыков, Дж. Каспар, Е. К. Блохин.</i> Курган Туннуг 1 — новые данные об «аржанском горизонте» раннескифской культуры	224
<i>П. И. Шульга.</i> Ранние скифоидные культуры Северного Китая	247
<i>А. З. Бейсенов.</i> Тасмолинский курган с каменными изваяниями в могильнике Кызылжартас	261
<i>Н. А. Сутягина.</i> Новая информация о раскопках кургана № 6 («Верхнего») на севере Монголии в горах Ноин-Ула	278
<i>В. Б. Трубникова.</i> Тайна пещеры Гасяндун	294
<i>Г. В. Кубарев.</i> Карлуки Алтая по письменным и археологическим данным	305
<i>Н. Н. Серёгин, С. А. Васютин.</i> Раннетюркские оградки комплекса Кок-Паш (Восточный Алтай): по материалам раскопок А. С. Васютина	324
<i>А. В. Фрибус, С. П. Грушин.</i> Всадники эпохи Тюркских каганатов на Северном Алтае (по материалам могильника Чумыш-Перекал)	339
<i>Ю. В. Ширин.</i> Черемза 1 — необычный комплекс в ареале верхнеобской культурной общности	355
ВЕЩИ И ОБРАЗЫ	371
<i>Р. С. Минасян.</i> Черная металлургия в Древнем Китае	371
<i>В. С. Бусова.</i> Однообразие форм: кожанно- меховые сумки из курганов Саяно-Алтайского нагорья (VIII–II вв. до н. э.)	379
<i>Е. С. Богданов, А. В. Выборнов.</i> Подвеска-амулет из тагарского захоронения (могильник Станция Казановская-1)	386
<i>Т. В. Рябкова.</i> Псалии Тарасовой балки	393
<i>Н. А. Васильева.</i> О моделях в погребальном инвентаре пазырыкской культуры: обзор источников, этнографические параллели, подходы к интерпретации	399
<i>Н. А. Жогова, К. Михальчевски.</i> Новая находка поясной пряжки в зверином стиле скифского времени из Тувы	414
<i>Н. Н. Николаев.</i> Колесница из «княжеского» кургана хунну могильника Оргойтон	420
<i>М. Е. Килуновская, П. М. Леус.</i> Костяные пластины-пряжки эпохи хунну в Туве	430
<i>Н. В. Полосьмак.</i> Звери, которых не должно быть	449
<i>С. В. Панкова.</i> Модель горита из Оглахтинского могильника	460
<i>Г. Г. Король.</i> Возможности методических подходов к изучению средневековой торевтики малых форм Саяно-Алтая	475
<i>Л. С. Марсадолов, Е. В. Степанова.</i> Седла монгольского времени из Часовенной горы под Красноярском	487
ЗНАКИ НА КАМНЯХ	507
<i>И. А. Пономарёва.</i> Древнейшие наскальные изображения Восточной Сибири: новые открытия и перспективы исследований	507
<i>Л. Ю. Китова.</i> К вопросу о семантике Бога-Меча Язылыкая	523

<i>И. В. Тункина.</i> По следам сибирского путешествия Д. Г. Мессершмидта (1719–1727): фиксация памятников археологии Урала и Сибири художниками академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743). Часть 1. Писаницы	530
<i>Е. А. Миклашевич.</i> Возможности реконструкции утраченных наскальных рисунков (на примере памятника Малый Баян-Кол в Туве)	552
<i>А. Н. Мухарева.</i> Петроглифы на курганных плитах могильника под горой Большой Сибигур на Енисее	564
<i>О. С. Советова.</i> Новые рисунки тесинского времени (по материалам Тепсейского археологического микрорайона)	572
<i>А. Е. Рогожинский, В. В. Тишин.</i> Тамги династии Ашина в Центральной Азии	582
РОЖДЕНИЕ СТИЛЯ	600
<i>Ю. Н. Есин, Ж. Магай, Ж.-О. Гантулга, Ч. Еруул-Эрдене.</i> Колесница в культуре населения эпохи бронзы Центральной Монголии (по материалам из долины реки Хойд Тамир)	600
<i>А. Д. Цыбиктаров.</i> Происхождение оленных камней монголо-забайкальского типа (социально-экономический аспект)	621
<i>А. В. Поляков.</i> Аналогии бронзам из Минусинских котловин на оленных камнях Монголии	634
<i>К. В. Чугунов.</i> Стил ь Тэвш, оленные камни Монголии и нуклеарный звериный стил ь	643
<i>В. А. Кисель.</i> Образ оленя на стелах монголо-забайкальского типа	656
<i>Н. Ю. Смирнов, Д. В. Черемисин.</i> Исчезающий герой и его спутники. В поисках истоков одного из центральных сюжетов искусства ранних кочевников Евразии. Ретроспективная перспектива	670
ЖИВАЯ АРХАИКА	706
<i>М. Ф. Альбедиль.</i> Непальский индуизм: живая архаика	706
<i>И. Д. Ткаченко.</i> Поминальный комплекс середины XVIII в. у горы Тоғыртаг (Республика Хакасия) в собрании Российского этнографического музея	713
<i>Н. Ю. Смирнов, Ю. Г. Кустова.</i> Сергей Александрович Теплоухов как этнограф: полевые заметки о проведении обряда <i>ызых тайыг</i> в Минусинском крае. Записи 1924 года	721
<i>О. П. Игнатьева.</i> Предписанный страх как часть алтайской культурной традиции	732
<i>Т. Н. Дмитриева.</i> Три поездки в Приамурье	736
<i>В. С. Бузин.</i> Лечебные средства и «средствия» южнорусской народной медицины (Липецкая, Тамбовская, Пензенская области)	743
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	750

Contents

FOREWORD (<i>V. A. Lapshin</i>)	11
EDITORIAL (<i>N. Yu. Smirnov</i>)	13
TO TEACHER, COLLEAGUE AND FRIEND	14
<i>V. V. Bobrov</i> . Our friend and a friend of mine	14
<i>V. I. Molodin</i> . Antiquities of the Ob and Irtysh region in works of Prof. D. G. Savinov. Historiographic aspects	18
<i>A. A. Tishkin</i> . Archaeological research by D. G. Savinov in the Altai and Upper Ob Region (brief overview and reminiscences written for the jubilee)	27
Appendix. Meeting of D. G. Savinov with students and the staff of the Altay State University (Barnaul, January 25, 2006)	34
<i>L. A. Chindina</i> . With homage to the dear hero of the anniversary	43
<i>I. V. Kalinina</i> . Meetings with D. G. Savinov at the ‘tethering post’ of the “Archaics” seminar	46
<i>E. G. Matveyeva</i> . The best head of a Chair	49
<i>N. Yu. Smirnov</i> . The creator of culture	51
THE IMPRINTED DAYS: D. G. SAVINOV IN PHOTOS OF FRIENDS, COLLEAGUES AND DISCIPLES	53
IN HIS CIRCLE: AT THE GREEN TABLE OF THE DEPARTMENT OF ARCHAEOLOGY OF ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY	71
<i>V. I. Belyaeva</i> . Female statuettes of the Kostenki circle	71
<i>K. N. Stepanova</i> . Ecofacts, manuports, artefacts: what is the difference between them and what they do imply?	83
<i>E. A. Cherlenok</i> . Chariot harness of the beginning of the late Bronze Age in the Volga-Don region: relative chronology of the burial rite and decoration of the cheekpieces	87
<i>A. M. Butyagin</i> . Bosphoran terracotta models of carts from the collection of the State Hermitage Museum	101
<i>V. N. Sedykh, Ya. V. Frenkel'</i> . Non-ferrous metals from the site of Timerevo (results of excavations of 1970s–1980s)	112
PERSONA GRATA	133
<i>A. V. Litvinov</i> . Boris Leonidovich Bogayevskiy – philologist, archaeologist, historian and art historian, professor, rector of the Tomsk University	133
<i>S. V. Kuz'minykh, E. V. Detlova</i> . “I will accept with immense gratitude your opinion and notes concerning my considerations”. Letters of S. A. Teploukhov and Gero von Merhart	137
<i>B. B. Ovchinnikova, V. V. Sumin</i> . Vladimir Yakovlevich Tolmachyov: the fate of an archaeologist	163
A HUMAN IN THE SPACE OF LIFE AND DEATH	178
<i>A. V. Sokolov</i> . Landform as an external factor in the development of the semi-nomadic cattle breeding traditions among the peoples in the Altay-Sayan-Hangay highlands and the Tian Shan mountains in East Turkestan	178
<i>V. M. Lurie, I. P. Lazaretov</i> . Early settlements of Khakassia. Byrganov IV	188
<i>V. V. Bobrov</i> . On the stones obelisks, wooden pillars and sculptures in the funerary practice of ancient peoples of Eurasia	199

<i>A. V. Gromov, N. I. Lazaretova.</i> Crania from the Podgornovo burial mounds of the Mogilnaya Steppe	211
MONUMENTS AND CULTURES	224
<i>T. R. Sadykov, G. Caspari, J. K. Blochin.</i> Kurgan Tunnug 1 – new data on the ‘Arzhan horizon’ of the Early Scythian culture	224
<i>P. I. Shul'ga.</i> Early Scythoid cultures of Northern China	247
<i>A. Z. Beisenov.</i> Tasmola kurgan with stone sculptures in the Kyzylzhartas burial ground	261
<i>N. A. Sutyagina.</i> New information on the excavations of Barrow No. 6 (‘Upper’) in Northern Mongolia in the Noin-Uul mountains	278
<i>V. B. Trubnikova.</i> Mystery of Gaxian cave	294
<i>G. V. Kubarev.</i> The Karluks of Altay according to written sources and archaeological evidence	305
<i>N. N. Seregin, S. A. Vasyutin.</i> Early-Turkic funerary enclosures at the complex of Kok-Pash (Eastern Altay): after the materials from excavations of A. S. Vasyutin	324
<i>A. V. Fribus, S. P. Grushin.</i> Horsemen of the epoch of the Turkic Khaganates in Northern Altay (after the materials of the cemetery of Chumysh-Perekat)	339
<i>Yu. V. Shirin.</i> Cheremza 1 – a remarkable complex in the area of the Upper-Ob cultural unity	355
THINGS AND IMAGES	371
<i>R. S. Minasyan.</i> Ferrous metallurgy in ancient China	371
<i>V. S. Busova.</i> The uniformity of types: leather and fur bags from barrows of the Sayan-Altay Plateau (8 th –2 nd century BC)	379
<i>E. S. Bogdanov, A. V. Vybornov.</i> Amulet pendant from a Tagar burial (cemetery of Stantsiya Kazanovskaya-1)	386
<i>T. V. Ryabkova.</i> Horse cheekpieces from the settlement of Tarasova Balka	393
<i>N. A. Vasil'yeva.</i> Models among the funerary inventory of the Pazyryk culture: a review of sources, ethnographic parallels, approaches to interpretation	399
<i>N. A. Zhogova, K. Mihal'chevski.</i> New find of a belt buckle in the animal style of the Scythian time from Tuva	414
<i>N. N. Nikolayev.</i> A chariot from a ‘princely’ kurgan of the Xiongnu at the gravesite of Orgoyton	420
<i>M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus.</i> Bone plaques/buckles of the Xiongnu period in Tuva	430
<i>N. V. Polos'mak.</i> Beasts which must not have been	449
<i>S. V. Pankova.</i> Model of a gorytos from the Oglakhty burial ground	460
<i>G. G. Korol.</i> Possibilities of methodological approaches to studies of the mediaeval toreutics of small forms of Sayan-Altay	475
<i>L. S. Marsadolov, E. V. Stepanova.</i> Saddles of the Mongol period from Chasovennaya Gora near Krasnoyarsk	487
SIGNS ON STONES	507
<i>I. A. Ponomareva.</i> The earliest rock representations of East Siberia: new discoveries and prospects of the investigations	507
<i>L. Yu. Kitova.</i> On the semantics of the God-sword of Yazilikaya	523

<i>I. V. Tunkina.</i> After the traces of the Siberian travel of D. G. Messerschmidt (1719–1727): records of archaeological monuments of the Urals and Siberia by artists of the Academic team of the Second Kamchatka Expedition (1733–1743). Part 1. Pisanicy (Petroglyphs)	530
<i>E. A. Miklashevich.</i> Possibilities of reconstruction of lost rock art objects (at the example of the Maly Bayan-Kol in Tuva)	552
<i>A. N. Mukhareva.</i> Petroglyphs on kurgan slabs of the burial ground at the foot of Mt Bolshoy Sibigur on the Yenisey	564
<i>O. S. Sovetova.</i> New rock images of the Tes period (after materials from the Tepsey archaeological microregion)	572
<i>A. E. Rogozhinskiy, V. V. Tishin.</i> Tamgas of the Ashina dynasty in Central Asia	582
THE BIRTH OF A STYLE	600
<i>Yu. N. Esin, J. Magail, J.-O. Gantulga, C. Yeruul-Erdene.</i> Chariot in the culture of the Bronze Age population of Central Mongolia (on materials from the Khoyd Tamir river valley)	600
<i>A. D. Tsybiktarov.</i> The origin of deer stones of the Mongol-Transbaykalian type (socio-economic aspect)	621
<i>A. V. Polyakov.</i> Parallels to the representations on bronzes from Minusinsk Hollows on deer stones from Mongolia	634
<i>K. V. Chugunov.</i> The Tevsh style, deer stones of Mongolia and the nuclear animal style	643
<i>V. A. Kisel'.</i> Image of deer on steles of the Mongol-Transbaykal type	656
<i>N. Yu. Smirnov, D. V. Cheremisin.</i> The vanishing hero. In search of the origins of one of the central subjects of the art of early nomads of Eurasia. Retrospective Perspective	670
THE LIVE ARCHAIC	706
<i>M. F. Al'bedil'.</i> Nepalese Hinduism: a live archaic	706
<i>I. D. Tkachenko.</i> Funerary-memorial complex of the mid-18 th century near Mt Togyrtag (Republic of Khakassia) in the collection of the Russian Ethnographic Museum	713
<i>N. Yu. Smirnov, Yu. G. Kustova.</i> Sergey Aleksandrovich Teploukhov as an ethnographer: field notes about the ritual of <i>Yzykh Tayyg</i> in Minusinsk Kray. Records of 1924	721
<i>O. P. Ignatyeva.</i> Regulated fear as a part of the Altaic cultural tradition	732
<i>T. N. Dmitrieva.</i> Three travels to the Amur region	736
<i>V. S. Buzin.</i> Medical remedies and 'sredstviya' in South-Russian folk medicine (Lipetsk, Tambov, Penza oblasts)	743
LIST OF ABBREVIATIONS	750

Тамги династии Ашина в Центральной Азии

А. Е. Рогожинский¹, В. В. Тишин²

АННОТАЦИЯ. В настоящее время известно не менее 20 памятников — монументальных объектов и местонахождений петроглифов, на которых имеется около 50 символических изображений, рассматриваемых специалистами как «тамги династии Ашина» Второго Тюркского каганата (682–744). Все недвижимые памятники с такими тамгами сосредоточены на территории Монголии. По стилю и иконографии рисунков выделяются три вида тамги Ашина с подразделением на несколько типов. Устанавливается связь некоторых разновидностей тамги с представителями разных генеалогических ветвей династии: тип Ia — Бильге-каган (716–734), тип III — Элтериш-каган (682–691); тип IV — Капган-каган (694–716); типы Ib, Ic и тип II — линидж Элетмиш-йабгу / До-си-фу 咄悉紇. Также выявлена группа символов, для которых предполагается функция знаков-детерминативов, вероятно, указывавших на должностной статус или титул предъявителей тамги Ашина: йабгу — тамга-«крючок», шад — тамга-полумесяц. Проведенный анализ археологических и письменных источников раскрывает сложную систему визуального обозначения генеалогических связей и статусных отношений правящей элиты Второго Тюркского каганата.

ANNOTATION. Presently, over 20 sites are known with monumental objects and locations of petroglyphs, where about 50 symbolic representations are found considered by researchers as 'tamgas of the Ashina dynasty' of the Second Turkic Qaghanate (682–744). All the immovable monuments with tamgas of this type are concentrated within the territory of Mongolia. In terms of the style and iconography of the representations, three variants of tamgas of the Ashina are distinguishable which in turn are subdivided into several types. It is possible to identify the ties of some variants of the tamgas with representatives of different genealogical branches of the dynasty: type Ia — Bilge Qaghan (716–734), type III — Elterish Qaghan (682–691); type IV — Qapghan Qaghan (694–716); types Ib, Ic and type II — the lineage of Eletmish-yabghu / Duoxifu 咄悉紇. Also a group of symbols has been distinguished for which a function of signs determinatives is supposed. Possibly, they indicated the status or title of the bearers of the tamga of the Ashina: yabghu — tamga-'hook', shad — tamga-crescent. The analysis conducted on archaeological and documentary sources suggests a complicated system of the visual designation of genealogical ties and status interrelations among the ruling elite of the Second Turkic Qaghanate.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: тамга, династия Ашина, восточные тюрки, титулатура, генеалогия, Монголия.

KEYWORDS: tamga, Ashina dynasty, eastern Turks, titular system, genealogy, Mongolia.

Введение

С момента открытия в конце XIX в. мемориальных стел Бильге-кагана и Кюль-тегина, увенчанных «тамгой тюркского хана» (по В. В. Радлову), и вплоть до наших дней, когда тот же геральдический знак рассматривается как «родовая тамга второй тюркской династии (682–744)» (Кляшторный, 1971. С. 250; 1980. С. 93–94), мало кто из исследователей затрагивал коренные вопросы указанной в заголовке темы: в чем состоит иконографическое своеобразие знака, каково его историческое происхождение и смысловое значение. Одним из немногих, кто внес заметный вклад в разработку этих вопросов, выступает российский археолог Дмитрий Глебович Савинов (Савинов, 2015). Так, едва ли не первым он предпринял попытку выделить «основные линии» иконографии эмблемы, тем самым

обозначив типологическое многообразие известных воспроизведений «тамги династии Ашина» (Там же. С. 66–67). Ему же принадлежит развитие одной из правдоподобных версий, объясняющей генезис знака как «преобразование прежних, в основном еще реалистических, изображений горных козлов, характерных для наскального искусства предшествующего времени, в крайне схематический рисунок» (Савинов, 2015. С. 71–72; 1984. С. 74–75). Убедительно звучит предположение, что появление династической эмблемы правителей возродившегося на рубеже VII–VIII вв. государства восточных тюрков «могло быть «государственным» заказом и произойти в какой-то минимальный срок благодаря изобретению «основных линий», что сразу выделило их (изображения-тамги. — А. Р., В. Т.) из окружающего мира петроглифов и не дает возможности для типологических построений» (Савинов, 2015. С. 72). Наконец, справедливо указание на то, что секрет семантики тамгообразного изображения раскрывается при рассмотрении исторического контекста, в котором внезапно появилась и бесследно исчезла «тамга династии Ашина». Отталкиваясь от этих положений и опуская излишнее здесь

¹ 050010, Казахстан, Алматы, пр. Достык, д. 44. Институт археологии им. А. Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан. Адрес электронной почты: alexeyro@hotmail.com.

² 670047, Россия, Республика Бурятия, Улан-Удэ, ул. Сахьянов, д. 6. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Адрес электронной почты: tihij-511@mail.ru.

пространное историографическое вступление, ниже излагаем результаты нашего историко-археологического исследования, касающегося типологии «тамги династии Ашина», атрибуции знаков различного облика, исторических условий их применения и возможных смысловых значений.

Обзор источников

Символические изображения, в разной степени напоминающие фигуру горного козла и рассматриваемые как «тамга династии Ашина», представлены на недвижимых памятниках двух категорий: 1) на малых архитектурных формах мемориальных комплексов правящей элиты восточных тюрков (скульптурах, стелах и фигурных постаментах, стенках каменных «саркофагов» и балбалах); 2) как наскальные изображения, т. е. тамга-петроглифы. Третью категорию составляют немногочисленные портативные изделия с прочерченными на их поверхности знаками: серебряные сосуды из мог. Юстыд и Муруйского клада (сосуд 2), чаша из Монголии, точное место находки которой неизвестно (Кубарев, 1984. С. 73, рис. 12, 1; Тишин и др., 2020б. С. 195–198, табл. 4; 5, 1; Рогожинский, Железняков, 2019. С. 173–176, рис. 2). Недвижимые памятники обладают особой ценностью, поскольку своим местоположением фиксируют пространственную локализацию участников определенных исторических актов, что засвидетельствовано знаками идентичности разных тамгопользователей и нередко — комментирующими текстами. Династическая эмблема правящего клана восточных тюрков встречается преимущественно на мемориальных объектах, но к настоящему времени заметно увеличилось и количество известных тамга-петроглифов, связанных с руническими текстами и зачастую включенных в собрания тамгообразных знаков иных форм. К сожалению, из коротких публикаций таких открытий порой сложно получить полное представление о местоположении «тамги династии Ашина» в составе петроглифического комплекса или археологического ландшафта в целом. В этой связи приветствуется почин японского исследователя Т. Осава в систематическом изучении не только мемориальных объектов тюркской элиты, сосредоточенных в былых военно-политических центрах кочевых объединений, но и местонахождений тамга-петроглифов Ашина и родоплеменных знаков в низкогорных ландшафтах Монголии, традиционно использовавшихся для зимних кочевий (Osawa, 2018. P. 13, 24).

В нашем исследовании учтено 29 изображений «тамги династии Ашина» из двенадцати мемориальных комплексов времени Второго Тюркского каганата. Однако в эту коллекцию не вошла часть тамгообразных изображений из комплекса Донгойн Ширээ: из 16 описываемых авторами знаков типа «янгир тамга», выбитых на стелах, нами отобраны лишь девять, хорошо различимых на опубликованных фотографиях (Цогтбаатар и др., 2017). Также нужно отметить, что рассмотрение эстампажей верхней части стелы из Онги, изготовленных Г. Рамstedтом и С. Пяльси в 1909 г. (Osawa, 2011a. P. 163, fig. 13), выявляет неточность на ретушированной копии памятника, помещенной В. В. Радловым в третий выпуск «Атласа древностей Монголии» (Атлас..., 1896. Табл. LXXXIII, 2); при ретушировании эстампажа Н. М. Ядринцева выветренные трещины на камне были восприняты как дополнительная поперечная черта на тамге в форме крючка и как еще один похожий знак, пересекающий «ханскую тамгу». Следовательно, на обеих сторонах стелы и, по-видимому, на 11-м балбале комплекса Онги трижды изображена пара идентичных знаков: тамга-«крючок» и «тамга династии Ашина». Кроме того, рассмотрение не ретушированных фотоснимков Н. Базылхана (TÜRIK BITIG) балбала шада төлеш из комплекса Бильге-кагана позволило определить на широкой грани камня три отдельных знака: тамгу-полумесяц, «ханскую тамгу» и знак в форме серпа с рукоятью и дополнительной боковой линией. Последний знак отличается меньшей глубиной выбивки и мог появиться на балбале позже других, но в целом подобная комбинация из трех тамга-петроглифов присутствует на скале Их бичигт (вместо тамги-полумесяца изображен знак «крючок»); точные аналогии серповидной тамге известны в Бичигт улаан хад и на Тэсинской стеле.

Тамги-петроглифы представлены на восьми местонахождениях как одиночные знаки и небольшие серии, в сопровождении рунических текстов и/или в составе собраний знаков разных типов. Всего учтено 12 изображений «тамги династии Ашина», но местонахождение одной из них неизвестно — Сулбур ула (Атлас..., 1899. Табл. CXVIII, 3). Таким образом, вместе с упомянутыми тамгами на трех сосудах общее количество рассматриваемых изображений составляет 45 знаков.

Все «тамги династии Ашина», нанесенные на недвижимые объекты, сосредоточены на территории современной Монголии, главным образом, в центральных областях страны (рис. 1). За преде-

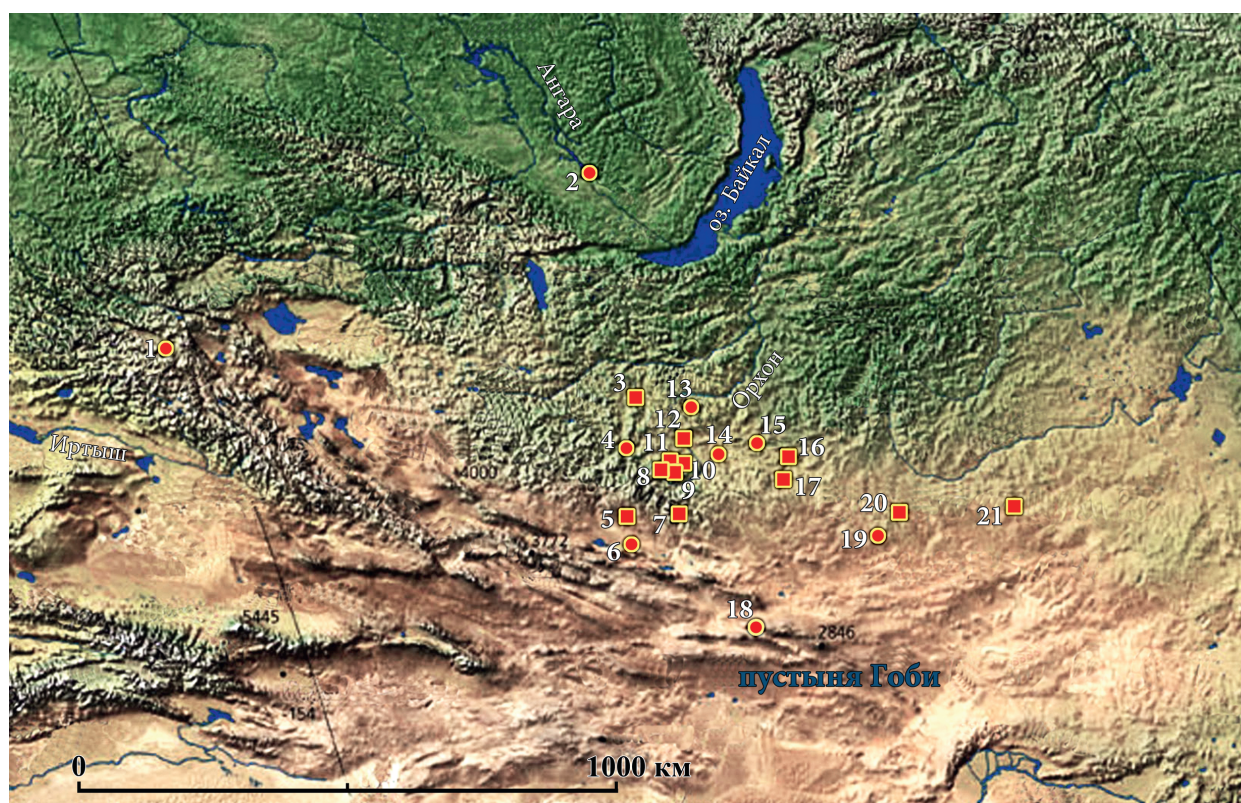

РИС. 1. Карта местонахождений памятников с тамгами династии Ашина: 1 – Юстыд; 2 – Муруйский клад; 3 – Шивээт улан; 4 – Бага Хайрхан; 5 – Шатар Чулуу; 6 – Тээгийн овор; 7 – Онги; 8 – Карабалгасун II; 9 – Хушо-Цайдам III; 10 – Бильге-каган; 11 – Кюль-тегин; 12 – Хуль-Асхете; 13 – Бичигт улаан хад; 14 – Хангидай; 15 – Улаачулуут; 16 – Унgetу; 17 – Мухар; 18 – Уртын гол; 19 – Их бичигт; 20 – Чойрэн; 21 – Донгойн Ширээ

FIG. 1. Map of the locations of sites with tamgas of the Ashina dynasty: 1 – Yustyd; 2 – Muruysky Island hoard; 3 – Shiveet Ulan; 4 – Baga Khaikhan; 5 – Shatar Chuluu; 6 – Teegiin Ovor; 7 – Ongi; 8 – Karabalgasun II; 9 – Khöshöö-Tsaidam III; 10 – Bilge Qaghan; 11 – Kül Tegin; 12 – Khul-Askhete; 13 – Bichigt Ulaan Khad; 14 – Khangidai; 15 – Ulaachuluut; 16 – Ungetu; 17 – Mukhar; 18 – Urtyn gol; 19 – Ikh Bichigt; 20 – Choiren; 21 – Dongoin Shiree

лами ареала подлинные тамги Ашина представлены только на сосудах из ограда в мог. Юстыд на Российском Алтае и Муруйского клада на Ангаре. Вопреки неоднократно высказанному в свое время А. Д. Грачом суждению (Грач, 1957. С. 408, 412–414, рис. 16; 1973. С. 323–324, рис. 1, 17–20), ареал тамга-петроглифов, в полной мере соответствующих по стилю и иконографии своеобразной эмблеме на орхонских мемориалах, не выходит за пределы областей Центральной Азии, которые непосредственно подпадали под суверенитет правителей Второго Тюркского каганата (682–744). Единичные весьма схематично выполненные изображения козлов на камне из Минусинской котловины и Тувы (Савинов, 1984. С. 74–75) в действительности не обладают тем самым набором «основных линий», который отличает «тамгу династии Ашина». Зооморфные изо-

бражения, приведенные в качестве аналогий тамге Ашина и тувинским петроглифам «типа Чуруктут-Кырлан» из Казахстана и Кыргызстана (Грач, 1957. Рис. 16, 28–38), таковыми также не являются. Не выдерживает критики и недавняя попытка ассоциировать заурядное зооморфное изображение над рунической надписью из Чуйской долины с «тамговым знаком <...> относящимся к типу изображений «горного козла», известного в составе крупных памятников с территории Монголии» (Тишин и др., 2020а. С. 49, рис. 7); при внимательном рассмотрении ни датировка подновления древнего рисунка, ни его форма не дают оснований для подобных заключений. В целом необходимо отметить безрезультатность и бесперспективность поиска в казахстанско-среднеазиатском ареале древнетюркской государственности «тамги дина-

стии Ашина», какой она представляется на каганско-княжеских мемориалах восточных тюрков первой половины VIII в.

Типы «тамги династии Ашина»

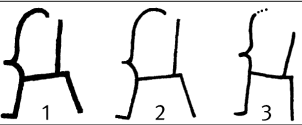
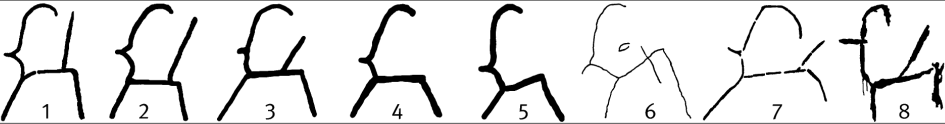

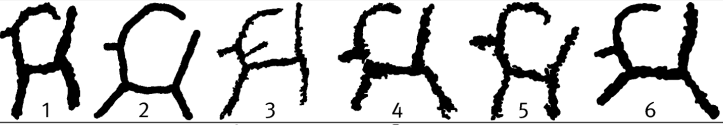

Среди исследователей почти нет разногласий по поводу определения вида животного, образ которого передает стилизованная фигура, как на стелах Бильге-кагана и Кюль-тегина, изготовленных присланными из Китая мастерами по приказу танского императора Сюань-цзуна (712–756): чаще в нем опознают горного козла (Войтов, 1987. С. 102; Mert, 2008. S. 297; Самашев и др., 2010. С. 35) или барана (Osawa, 2010b; 2011a. P. 157 ff.; 2011b. S. 619, 621); Н. Базылхан справедливо отмечает синкретический характер этого образа (Базылхан, 2019. С. 37). В рисунке используется стилистический прием, довольно точно охарактеризованный Д. Г. Савиновым (первая «основная линия»): передняя часть фигуры передана изящной линией, напоминающей фигурную скобку, — почти вертикальная линия круто загнута на конце рога соединяется со второй, вырисовывая короткую заостренную мордочку зверя, слегка вытянутую вперед шею и прямую, поставленную под углом переднюю ногу, неожиданно оканчивающуюся выступающей вперед «лапкой». Линии спины и задней ноги без «лапки» завершают силуэт персонажа, загадочность которого более всего выдает несоразмерный «хвост» — длиной до верхнего края рога и поднимающийся прямо от спины, а не от точки соединения спины и задней ноги. Как видно, обрисованная фигура менее всего походит на схематичное изображение реального козерога. Напротив, основная группа идентификационных признаков выдает в ней образ синкретического существа: чрезмерно длинный рог, загнутый на конце так, что трудно представить, как его острым концом можно поразить противника; «хвост», более всего напоминающий вздымающееся кверху крыло мифического зверя, но также — вздыбленный хвост возбужденного коня или быка; выступающая снизу от передней ноги короткая линия может быть сравнима не с копытом, а с лапой шагающего хищника. В целом идеограмма, созданная «табгачскими» каменотесами на восточной стороне стел Кюль-тегина и Бильге-кагана, т. е. на стороне, противоположной более почетной западной грани, занятой текстом императора Сюань-цзуна (Osawa, 2011a. P. 154), — представляла собой странное символическое изображение, которое воспринимается сегодня как «тамга династии Ашина».

Точно в таком виде изображение присутствует еще только на безымянном балбале из комплекса Хушо-Цайдам III, расположенном в непосредственной близости от мемориалов Кюль-тегина и Бильге-кагана (500–800 м). Обозначим эти три изображения «тамги династии Ашина» как *mun Ia*, поскольку по формальным признакам иконографии и стиля выделяется еще несколько вариантов начертания знака (рис. 2).

На обеих сторонах Онгинской стелы и на 11-м балбале этого комплекса в изображении тамги отсутствует только «лапка» на передней ноге персонажа. Такой вариант трактовки (*mun Ib*) присутствует в отдельных изображениях на стелах № 8, 10, 11 комплекса Донгойн Ширээ, возле рунической надписи на горе Бага Хайрхан, а также на сосуде 2 из Муруйского клада и на чаше из Монголии. Отсутствие «хвоста» у двух фигур на стелах Донгойн Ширээ и гравированном рисунке из Бага Хайрхан можно отнести на счет небрежности исполнения. Вариант *mun Ia* представлен крупной серией изображений, в которых отсутствует «лапка» и использована третья модель «основной линии», по Д. Г. Савинову: «П-образное построение фигуры, когда одной линией изображаются туловище и ноги, к которым прибавляются морда, рог и хвост» (Савинов, 2015. С. 67, рис. 1, 5–8).

На изваянии (головной балбал) из комплекса Хушо-Цайдам III тамга Ашина представлена иначе: без «лапки» на передней ноге персонажа и с очень длинной линией, смещенной к точке пересечения линий спины и задней ноги, которая, несомненно, передает хвост. В том, что такая значимая иконографическая деталь не является случайной ошибкой резчика, убеждают другие примеры подобных изображений (рис. 2, тип IIa). Это позволяет нам выделить второй тип изображений (*mun IIa* и *IIb*), которые с большей или меньшей условностью передают схематичный силуэт козерога с необыкновенно длинным хвостом.

Особый тип тамгообразных рисунков на монументах составляют несколько изображений, которые вполне определенно передают образ скачущего горного козла (*mun III*). К характеристике именно этой весьма малочисленной группы знаков относится все сказанное специалистами относительно сходства «тамги династии Ашина» со схематичными наскальными рисунками тюркского периода. Только присутствие подобных изображений рядом с другими тамгообразными знаками на стенах саркофагов в Шатар Чулуу или Унгету вынуждает

Тип	Вариант	Тамги династии Ашина
тип I	a	
	b	
	c	
тип II	a	
	b	
тип III		
тип IV		

РИС. 2. Тамги династии Ашина. Типология знаков. **Тип Ia:** 1 – Бильге-каган, стела; 2 – Кюль-тегин, стела; 3 – Хушо-Цайдам III, балбал. **Тип Ib:** 1 – Онги, стела; 2 – Онги, балбал; 3 – Донгойн Ширээ, стела № 8; 4 – Донгойн Ширээ, стела № 10; 5 – Донгойн Ширээ, стела № 11; 6 – Бага Хайрхан I, петроглиф; 7 – Мүрүйский клад, сосуд 2; 8 – сосуд из Монголии. **Тип Ic:** 1 – Хуль-Асхете, барельеф; 2 – Бильге-каган, балбал; 3 – Шивээт улан, статуя льва; 4 – Унгету, статуя № 16; 5 – Унгету, саркофаг; 6 – Донгойн Ширээ, стела № 5; 7 – Юстыд, сосуд. **Тип IIa:** 1 – Хушо-Цайдам III, статуя (головной балбал); 2 – Донгойн Ширээ, стела № 6; 3 – Хангидай, петроглиф; 4 – Тээгийн овор, петроглиф. **Тип IIb:** 1 – Шивээт улан, статуя льва; 2 – Их бичигт, петроглиф; 3, 4 – Гурван сайхан, петроглифы; 5, 6 – Улаачулуут, петроглифы. **Тип III:** 1 – Чойрэн, статуя; 2 – Карабалгасун II, стела; 3 – Унгету, саркофаг; 4, 5 – Шатар Чулуу, саркофаг. **Тип IV:** 1 – Мухар, постамент-черепаха; 2–5 – Донгойн Ширээ, стелы № 5, 8, 9, 11; 6 – Бичигт улаан хад, петроглиф; 7 – Сулбур ула, петроглиф.

Прорисовки знаков А. Е. Рогожинского с фотографий: Ib, 1, 2 – по: Osawa, 2011; Ib, 3–5; Ic, 6; IIa, 2; Ib, 7 – по: Тишин и др., 2020б; Ib, 6 – по: Munkhtulga, 2012; IIa, 4 – по: Болдбаатар и др., 2017; IIb, 5, 6 – по: Osawa, 2018; IV, 2–5 – по: Цогтбаатар и др., 2017; IV, 7 – по: Радлов, 1899; остальные – по: TÜRİK BITİG

FIG. 2. Tamgas of the Ashina dynasty. Typology of the signs. **Type Ia:** 1 – Bilge Qaghan, stele; 2 – Kül Tegin, stele; 3 – Khöshöö-Tsaidam III, balbal. **Type Ib:** 1 – Ongi, stele; 2 – Ongi, balbal; 3 – Dongoin Shiree, stele No. 8; 4 – Dongoin Shiree, stele No. 10; 5 – Dongoin Shiree, stele No. 11; 6 – Baga Khairkhan I, petroglyph; 7 – Muruysky hoard, vessel 2; 8 – vessel from Mongolia. **Type Ic:** 1 – Khul-Askhete, bas-relief; 2 – Bilge Qaghan, balbal; 3 – Shiveet Ulan, lion statue; 4 – Ungetu, statue No. 16; 5 – Ungetu, sarcophagus; 6 – Dongoin Shiree, stele No. 5; 7 – Yustyd, vessel. **Type IIa:** 1 – Khöshöö-Tsaidam III, statue (head balbal); 2 – Dongoin Shiree, stele No. 6; 3 – Khangidai, petroglyph; 4 – Teegiin Ovor, petroglyph. **Type IIb:** 1 – Shiveet Ulan, lion statue; 2 – Ikh Bichigt, petroglyph; 3, 4 – Gurvan Saikhan, petroglyphs; 5, 6 – Ulaachuluut, petroglyphs. **Type III:** 1 – Choiren, statue; 2 – Karabalgasun II, stele; 3 – Ungetu, sarcophagus; 4, 5 – Shatar Chuluu, sarcophagus. **Type IV:** 1 – Mukhar, turtle pedestal; 2–5 – Dongoin Shiree, steles Nos. 5, 8, 9, 11; 6 – Bichigt Ulaan Khad, petroglyph; 7 – Sulbur Ula, petroglyph.

Tracings by A. E. Rogozhinskiy of the signs from photographs: Ib, 1, 2 – after Osawa, 2011; Ib, 3–5; Ic, 6; IIa, 2; Ib, 7 – after Тишин и др., 2020б; Ib, 6 – after Munkhtulga, 2012; IIa, 4 – after Болдбаатар и др., 2017; IIb, 5, 6 – after Osawa, 2018; IV, 2–5 – after Цогтбаатар и др., 2017; IV, 7 – after Радлов, 1899; other – after TÜRİK BITİG

рассматривать их как удостоверительные символы, а не элементы декора.

Наконец, самую малую группу изображений «тамги династии Ашина» образуют знаки, также во всем напоминающие силуэт козерога, но с «ромбовидной» головой (*тип IV*). Знак встречается как на монументах, так и среди петроглифов, но можно думать, что наиболее ранним из них, послужившим образцом для последующих воспроизведений, является рельефное изображение на боковой грани постамента-черепахи из Мухар. Именно в этом единственном пластическом изображении знака отчетливо проступают контуры «основной линии» иконографии «тамги династии Ашина» типа Ia и Ib (абрис передней части фигуры почти точно совпадает), дополненные двумя новыми штрихами у головы животного. Все другие изображения в разной мере повторяют главные элементы фигуры из Мухар, усложняя, детализируя или упрощая прототип.

В сущности, представленная нами типология «тамги династии Ашина» основана на формальных критериях сходства знаков, поэтому на деле близкие по иконографии типы I и II следует рассматривать как одну совокупность, однако мы сохраняем ее условное разбиение для выяснения относительной хронологии памятников и их синхронизации. При этом следует заметить, что в составе данного множества изображения типа Ia выступают как прототип для всех остальных изображений знака, поскольку ни на других монументах, ни среди тамга-петроглифов их точные копии не встречаются, однако есть много примеров воспроизведения похожих знаков без одной малопонятной детали — «лапки» на передней ноге. Таким образом, фактически выделяются *три вида «тамги династии Ашина»*: 1-й — типы I и II; 2-й — тип III; 3-й — тип IV.

Существует еще одна разновидность тамгообразных знаков, зафиксированных на южной стенке саркофага в Унгету и среди тамга-петроглифов Монголии: в форме двухголового козла; интерпретация знака как символического изображения Восточного и Западного Тюркских каганатов (Mert, 2008. S. 299) может рассматриваться как оригинальная догадка.

Синхронизация и датировка знаков

Датировка большинства тамга-петроглифов и монументов, которые отмечены «тамгами династии Ашина», даже сопровождающихся эпиграфическими текстами, во многом остается спорной

и надежно не установленной. Приступая к решению такой задачи, помимо традиционных методик комплексного историко-археологического подхода, мы основываемся в своем анализе на приемах исследования, апробированных в тамговедении Центральной Азии, что требует некоторых предварительных пояснений.

На сегодняшний день может считаться установленным существование в тюркский период двух видов знаков коллективной идентичности — династийных (эмблемы правящей элиты) и родоплеменных (Osawa, 2010b. S. 342–344; Кляшторный, 1980. С. 92–93; Базылхан, 2019; Тамги..., 2019. С. 253, 275), в то время как использование лично-семейных знаков кочевниками центрально-азиатских степей оспаривается (Батманов, 1963. С. 298–302; Кляшторный, Самбу, 1971. С. 247–249). Мнение об имманентном существовании и регулярном применении в тот период родоплеменных знаков кочевников пока остается лишь предположением: количество датированных памятников VII в. и более раннего времени — невелико, условия начала систематического применения знаков типа тамга в достаточной мере еще не изучены (Osawa, 2010b. S. 349; Тишин, 2018). Между тем на эмпирическом уровне исследований разрабатываются и успешно применяются приемы анализа собраний знаков на портативных и недвижимых объектах, методы регионального картирования знаков, которые позволяют получить порой удовлетворительные результаты, будучи подкреплены данными письменных, археологических и нумизматических источников. Методы тамговедения используются в нашем исследовании для синхронизации, датировки и отчасти — для атрибуции некоторых знаков, связанных в собраниях с «тамгой династии Ашина» (рис. 3).

Имеются несколько объектов, позиция которых на временной шкале может считаться установленной, для того чтобы послужить хронологическим репером в определении релятивной позиции других памятников. К таковым относятся в первую очередь мемориальные комплексы Кюль-тегина (732 г.) и Бильге-кагана (735 г.), а также недавно открытый монгольскими археологами комплекс Донгойн Ширээ (735–745 гг.), с теми оговорками, что ритуальный объект возник, судя по двум радиоуглеродным датам, в период образования Второго Тюркского каганата, но значительная часть тамгообразных изображений и содержательная надпись на восточной стороне стелы № 6 создавались на

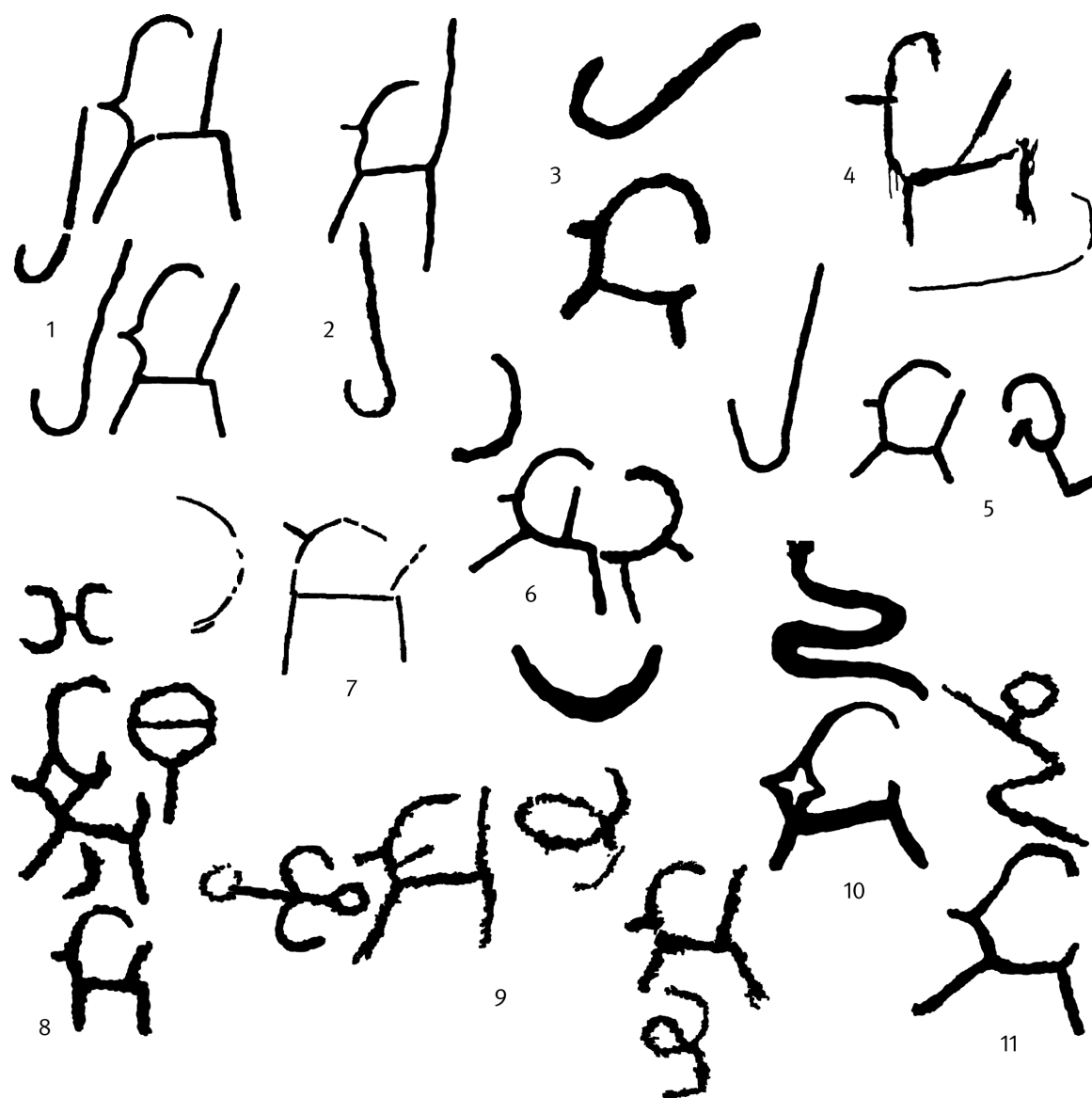

РИС. 3. Сочетание тамги династии Ашина с другими знаками. 1 – Онги, стела (сверху) и балбал; 2 – Хушо-Цайдам III, статуя (головной балбал); 3 – Карабалгасун II, стела; 4 – сосуд из Монголии; 5 – Их бичигт, петроглиф; 6 – Бильге-каган, балбал; 7 – Муруйский клад, сосуд 2; 8 – Донгойн Ширээ, стела № 5; 9 – Уртын гол, петроглифы; 10 – Мухар, постамент-черепаха; 11 – Чойрэн, статуя

FIG. 3. Combinations of tamgas of the Ashina dynasty with other signs. 1 – Ongi, stele (above) and balbal; 2 – Khöshöö-Tsaidam III, statue (head balbal); 3 – Karabalgasun II, stele; 4 – vessel from Mongolia; 5 – Ikh Bichigt, petroglyph; 6 – Bilge Qaghan, balbal; 7 – Muruysky hoard, vessel 2; 8 – Dongoin Shiree, stele No. 5; 9 – Urtyn gol, petroglyphs; 10 – Mukhar, turtle pedestal; 11 – Choiren, statue

заключительном этапе истории государства тюрков в Центральной Азии и позже (Монхтулга, Осава, 2015. С. 53; Цогтбаатар и др., 2017. С. 74–76, 88–89). К опорным памятникам следует отнести также барельеф с эпитафией и тамгой из Хуль-Асхете при условии омоложения даты его воздвижения в «год свиньи» на один цикл (735 г.), хотя бы на том основании, что вырезанный над сидящей фигурой знак относится

к тому же типу Ic, что и тамга Ашина на балбале төлеш шада из комплекса Бильге-кагана³.

³ От предыдущих прочтений надписи Хуль-Асхете разительно отличается реконструкция текста Т. Осавой, идентифицировавшим на памятнике еще несколько строк, в том числе упоминание в тексте кланового имени *(a)š(i)n(a)š* (Osawa, 2010a). Однако, как отметил О. Юналь, отсутствие в публикации японского исследователя новых

Поскольку время появления своеобразных знаков на мемориалах Кюль-тегина и Бильге-кагана известно, датировка тождественной тамги на балбале из Хушо-Цайдам III, вероятно, лежит в коротком интервале 732–735 гг. В таком случае к этой дате близки еще два знака на «головном балбале» из Хушо-Цайдам III — тамга Ашина типа IIa и тамга-«крючок» (иногда в форме этого знака видят изображение змеи (Osawa, 2011a, P. 156 ff.), но такое отождествление маловероятно, так как тамга-змея широко распространена в тюркский период и имеет иную иконографию; см. ниже). Аналогичное сочетание знаков можно видеть на стеле и балбале Бильге Ышбара-тамгана из комплекса Онги, на скале в местности Их бичигт, на чаше из Монголии и, наконец, на стеле Карабалгасун II, которая является, как полагает Т. Осава, украшенной резным декором опорой ворот неизвестного сооружения, переиспользованной для мемориала Кунчи Буйрука (или Акунч Буйрука) в период после 680 г. (Osawa, 2010b, P. 348–349). Впрочем, недавно Р. Алимов перечитал имя меморианта как Куз Буйрук — и считает возможным по палеографическим особенностям надписи отнести ее к периоду Уйгурского каганата (Alimov, 2015), хотя другие примеры использования тамги Ашина и тамги-«крючка» в уйгурское время не известны. Кроме последнего примера (тип III), на перечисленных памятниках представлена «тамга династии Ашина» первого вида (типы Ib и II), причем знак на сосуде до его подновления имел, по-видимому, облик тамги, как на стеле и балбале из Онги (тип Ib). Какие дополнительные выводы позволяют сделать наши наблюдения?

Как предполагал В. Е. Войтов (1989), Онгинский памятник можно связать с братом Эльтериш-кагана и Капган-кагана, который при обоих братьях-каганах, по китайским источникам, командовал левым (восточным) крылом (см. также: Dobrovits, 2005). Если следовать отождествлению меморианта стелы с Элетмиш-йабгу, или До-си-фу 咄悉訶, младшим братом Эльтериш-кагана, то умер он, по вычислениям Т. Осава, «в год дракона, в седьмой месяц» (прочтение «год дракона» не является общепринятым, см., напр.: Ölmez, 2016. S. 50); его тризна состоялась в июле 716 или 717 г., а дату установки самого монумента японский исследователь определяет в промежутке 725–732 гг. (Osawa, 2011a, P. 197), с чем в целом можно согласиться.

Однако тамга Ашина из Онги, как показывает типология, является производной от знака типа Ia; следовательно, датировка памятника Элетмиш-йабгу должна быть не ранее 732 г., что перемещает интервал вероятного времени его создания в короткий промежуток от момента воздвижения стелы Кюль-тегина до гибели Бильге-кагана, служить которому призывает онгинская эпитафия, т. е. 732–734 гг.

Существует определенная (вероятно, генеалогическая и статусная) связь между предъявителями одинаковой пары знаков идентичности: тамги Ашина и тамги-«крючка». Вопреки мнению об этой паре как о цельном знаке — «козловидной тамге с диакритическими значками» — и личной тамге какого-либо представителя Ашина (Войтов, 1989. С. 42, 48), оба символа представляются разными тамгами: они встречаются разрозненно и независимо друг от друга на разных памятниках. Помимо названных объектов, в пределах Монголии и на юге Сибири тамга-«крючок» еще встречается на стеле № 4 в Донгойн Ширээ рядом с другим знаком, трижды изображена на скале Калбак-Таш I и, может быть, она же прочерчена на стеле с рунической надписью в Кара-кату на Алтае (знак подновлен и дополнен двумя поперечными штрихами). Маловероятно, чтобы столь редкий знак являлся родоплеменной тамгой, хотя исключать такую возможность рано; следует предположить, что тамга-«крючок» относилась к ряду особых знаков идентичности, указывавших на статусное положение предъявителя (вариант интерпретации см.: Kidirali, Babayar, 2015. S. 26–27). Рассмотрим известные случаи сочетания этого знака с другими.

В паре с тамгой Ашина тамга-«крючок» располагается перед головой козерога слева (Онги), слева внизу (статуя в Хушо-Цайдам III) и лишь однажды — сверху, над тамгой типа III (Карабалгасун II). Только в Их бичигт дополнительно справа от тамги Ашина изображена серповидная тамга; к сожалению, связь этой «триады», как и остальных выбитых здесь тамга-петроглифов, с наскальной надписью и упоминаемым в ней Боз-ханом (Баттулга, 2005. С. 158–160) остается предположительной. В Онги одинаковая пара знаков принадлежит и меморианту надписи на стеле (Элетмиш-йабгу), и установившему здесь балбал его сыну Бильге Ышбара-тамгану (Войтов, 1989. С. 48, 49; Osawa, 2011a.

эстампажей не позволяет обсуждать данную реконструкцию (Ünal, 2015. S. 272, 274, 283, dipnot 12).

Р. 158, 193–194)⁴. Это может означать принадлежность обоих к одной генеалогической ветви (тамга Ашина) и сохранение за обоими одинакового статуса (титула или должности), например, наследование определенных правовых связей с неким коллективным тамгопользователем (племенем или группой племен), обозначенным здесь символом в виде тамги-«крючка».

Приблизиться к пониманию значения дополнительного знака-«крючка» к тамге Ашина позволяет анализ другого подобного парного сочетания — с тамгой в форме полумесяца. Такое сочетание зафиксировано не менее пяти раз: на широкой грани балбала *төлеш шада* в комплексе Бильге-кагана, дважды на сосуде 2 из Муруйского клада, на стелах № 5 и 9 в Донгойн Ширээ, а также в собраниях тамга-петроглифов Бичигт хад и Булган уул. Тамга-полумесяц соседствует с «тамгами династии Ашина» двух видов: 1-го (Ib, Ic, IIa и IIb) и 3-го (тип IV). Примечательно, что на балбале и сосуде помимо парных изображений есть и одиночная тамга-полумесяц, в первом случае определенно связанная с надписью *төлеш шада*. Стела № 5 в Донгойн Ширээ с собранием указанных знаков располагалась рядом со стелой № 6, испещренной руническими текстами, в том числе с упоминанием меморианта, наделенного титулом *йабгу*, а затем — *төлеш шад* (*Цогтбаатар и др.*, 2017. С. 74–76). К сожалению, в цитируемой работе не представлены эстампажи или качественные фотоснимки надписи, необходимые для верификации перевода.

Все другие известные памятники с тамгой-полумесяцем, их ареал распространения и хронология специально рассмотрены нами при анализе собраний знаков на сосудах Муруйского клада (*Тишин и др.*, 2020б). Здесь необходимо кратко напомнить главные выводы: обладателями знака могли являться представители пока не идентифицированного привилегированного клана, вероятно, относившегося к *телэской* (или уже — уйгурской) группировке племен, которые сохраняли высокий статус в этнополитической иерархии и Второго Тюркского каганата, и на начальном этапе становления власти уйгурских каганов. Однако такая интерпретация не объясняет, например, присут-

ствие одиночной тамги-полумесяца на балбале *шада* (очевидно, принадлежавшего династии Ашина) из комплекса Бильге-кагана и на вершине Терхинской (Тариатской) стелы Элетмиш Бильге-кагана (уйгурская династия Яглакар). Кроме того, знак-полумесяц неоднократно встречается в паре с серповидной тамгой, в то время как, например, мемориант с титулом *чор* на скальной надписи Шаахар I выступает в единственном лице (*Mert*, 2009. S. 13–15). Примечательно, что при наличии нескольких известных сочетаний знака-полумесяца с тамгами других видов нет ни одного примера, где бы он фигурировал вместе с тамгой-«крючком». Иными словами, оба знака (в форме крючка и полумесяца) проявляют свойства дополнительных знаков-детерминативов при определенном классе знаков идентичности, которые рассматриваются как династийные тамги или тамги правящей элиты. При этом использование первого знака с тамгой Яглакар не отмечается, но существование других подобных знаков-детерминативов у представителей каганского рода уйгуров подтверждается дополнительным символом над династийной тамгой, гравированной на плите с эпитафией Кары Чортегина (776–795) в Сиане (*Alylmaz*, 2013. S. 18–19).

В целом, для памятников Второго Тюркского каганата характерно использование тамги-«крючка» только обладателями «тамги династии Ашина» первого вида (типы Ib, Ic и IIb), в то время как тамга-полумесяц применялась также владельцами тамги третьего вида (тип IV; дважды в Донгойн Ширээ) и, по-видимому, продолжала использоваться до установления власти уйгурских каганов (Могойн Шинэ Усу, Терхинская стела).

Большой интерес представляют памятники, фиксирующие позднейший этап использования «тамги династии Ашина» на закате истории Второго Тюркского каганата. К таковым можно отнести тамгу типа Ib, которая сопровождает в Бага Хайрхан одну из на скальных надписей, как считает Р. Мунхтулга, упоминающей Тэнгри-кагана (735–741), сына Бильге-кагана (о датах правления см.: *Ekrem*, 2020). Интерпретируя контекст надписи, исследователь связывает ее появление с политическим кризисом после смерти кагана и переселением в 742 г. части тюрков из Отюкена в пределы Танской империи во главе с принцессой Юй-чжу 余燭 и целым рядом знатных лиц из числа Ашина (*Munkhtulga*, 2012. S. 34–35; *Камалов*, 2017. С. 97–98). Однако коль скоро здесь упоминается сам Тэнгри-каган, нижнюю дату создания надписи можно опустить до 7-го месяца

⁴ Т. Осава сопоставляет его с упомянутым в ЦФЮГ (цз. 975, с. 3а) под 10.08.723 г. послом от тюрков к танскому двору «великим предводителем» (*да шоу-лин* 大首領) А-ши-на Сэ-бо да-гань 阿史那瑟鉢達干 (см. также: *Цзнь Чжун-мянь*, 1958. С. 421), где второй элемент *сэ-бо* 瑟鉢 передает титул *ышбара* (*Osawa*, 2011a. Р. 196).

29-го года эры правления *кай-юань* 開元 (16.08–14.09.741), под которым источники фиксируют смуту среди правящего клана тюрков, в том числе противостояние Тэнгри-кагана с левым шадом, завершившееся гибелью кагана (ТХЯ, цз. 94, с. 36; ЦЧТЦ, цз. 214, с. 44а)⁵. Надпись Бага Хайрхан I отличается своеобразной орфографией, сложна с точки зрения синтаксиса, но может быть прочитана и истолкована несколько иначе, чем у предыдущих исследователей (*Magail et al.*, 2010; *Munkhtulga*, 2012. S. 30–31; *Useev*, 2020), следуя нумерации строк от нижних к верхним: (1) *öt(ü)k(ä)ndä* (2) *t(ä)ñri q(a)γ(a)n* (3) *j(e)lm(i)s'i (ä)b nä* (4) *ol(o)rm(a)z*, буквально: '(1) в От-юкене, (2) из [подвластных] Тэнгри-кагану (3) ушедших домов (юрт?) никаких (4) не останется'. Возможно, содержание следует связать с последними днями правления Тэнгри-кагана, когда уже шло противостояние с левым (восточным) шадом, оказавшееся для кагана роковым. Надпись Бага Хайрхан II гласит: *qatay bodunqa eli täñri qayan ärmiš* (*Munkhtulga*, 2012. S. 33), что можно перевести как 'Для всего народа (вар. всех народов?) эль (и) Небесный (Тэнгри?) каган стал(и)'. Форма глагола *är-* 'быть', 'to be' с аффиксом прошедшего неочевидного времени *-miš*, выступающего здесь в роли субстантивированного причастия (с аффиксом посессива 3 лица ед. ч. *+(s)l*), скорее может указывать на то, что надпись относится к моменту пребывания Тэнгри-кагана у власти, т. е. ко всему периоду 735–741 гг.

Еще один относительно поздний памятник, где присутствуют «тамги династии Ашина», находится на юге Монголии, в Уртын голе, в Номгон сомоне Южно-Гобийского аймака. Здесь примечательно сочетание, по-видимому, в одновременном собрании тамга-петроглифов знака Ашина типа IIb и двух других, встречающихся в собрании знаков на стеле комплекса Бомбогор. Одна тамга-петроглиф имеет точную аналогию среди знаков верхней части монумента, которые рассматриваются нами как тамги племенного объединения басмылов (*Рогожинский, Черемисин*, 2019. С. 54); вторая тамга входит в регистр знаков нижней части стелы. Сочетание обоих знаков с тамгами Ашина на скале в Уртын голе является весьма примечательным в свете письменных известий об избрании в конце

742 г.⁶ племенами антитюркской коалиции, уйгурами и карлуками, верховного правителя с титулом Эльтериш-каган (кит. Се-де-и-ши 頡跌伊施), которым стал глава басмылов А-ши-на Ши 阿史那施 (*Цэнь Чжун-мянь*, 1958. С. 458, 465, 467, 468, 639, 759, 1035, 1036, 1040–1041, прим. 25; 27; *Камалов*, 2001. С. 72–75). Это самое южное среди известных сегодня местонахождений «тамги династии Ашина» и, возможно, одно из самых поздних: время создания этого собрания тамга-петроглифов можно ограничить 744 г., т. е. датой гибели Эльтериш-кагана и распада союза басмылов, уйгуров и карлуков.

Косвенные указания на то, что предводители басмылов происходили из правящего клана тюрков, есть в ряде источников. В надписи Бильге-кагана встречается упоминание о том, что *basmił iduq[qu]t uyušum bodun ärti* (БК, X, стк. 25), букв. 'басмыльский ыдукут, (из) народа клана (моего) был' или 'басмыльский ыдукут, (из) клану (моему) [принадлежащему] народа был'. Описываемое в тексте нападение на басмылов в районе Бешбалыка совершено, когда будущему Бильге-кагану было 20 лет, что относится к периоду 22.01.703–09.02.704 (*Bazin*, 1991. Р. 181). В эпитафии согдийца по имени Кан А-и Цюй да-гань 康阿義屈達干 (ум. в 764 г., эпитафия сост. в 767 г.) младший брат Мо-чо 默啜 кагана именуется просто *Ба-си-ми ши-цинъ* 拔悉密時勤 (ЯЛГВЦ, цз. 6, с. 16–2а; ЦТВ, цз. 342, с. 16а; *Цэнь Чжун-мянь*, 1958. С. 851). В ЦЧТЦ (цз. 212, с. 13а) есть еще пояснение: 拔悉密酋長姓阿史那氏盖亦突厥之種也, т. е. букв. «басмылов предводителя (цю-чжан 酋長) фамилия А-ши-на, потому что это (т. е. басмылы. — В. Т.) — тюрков семья (чжун 種, вар.: порода, род, племя)». Кажется, эти независимые друг от друга свидетельства достаточно убедительно говорят о том, что начиная, по меньшей мере, со времени Капган-кагана басмылов возглавляли представители тюркского правящего клана.

Наиболее сложной проблемой остается относительная датировка «тамги династии Ашина» типа IV — в форме козлика с ромбовидной головой. Знак этот довольно редкий, представлен только на двух монументах — Мухар и Донгойн Ширээ. Об условности датировки собраний знаков на стелах Донгойн Ширээ сказано выше, и до появления более полной и качественной документации па-

⁵ Здесь и далее пагинация при цитировании китайских источников дается по изданию «Цинь-дин сы ку цюань-шу хуэй яо» 欽定四庫全書薈要 («Избранное из "Высочайше утвержденного полного собрания книг по четырем разделам"»).

⁶ В источниках можно встретить разные даты — 742 или 744 г., однако в ЦФЮГ (цз. 975, с. 24а) под 21.11.742 упомянуто посольство к танскому двору от *то-си-ми кэ-хань* 托悉密可汗, где первый иероглиф, очевидно, описка от *ба* 拔, т. е. речь о 'кагане басмылов'.

мятника нужно ограничиться кратким замечанием: на стелах № 6, 8, 10 доминируют в композициях знаков и численно преобладают тамги Ашина первого вида (тип Ib, IIb), на стелах № 5, 9 и 11 такую позицию занимают тамги третьего вида (тип IV). Возможно, некоторые изображения на стелах № 6 и 8 относятся ко второму виду тамги (тип III). Комбинации знаков, в которых присутствуют тамги Ашина разных типов, свидетельствуют об их сосуществовании, по крайней мере, на заключительном этапе истории Второго Тюркского каганата, отсутствие же тамги типа Ia, по-видимому, подтверждает относительно поздний возраст собраний знаков на стелах Донгойн Ширээ — после 735 г.

Для датировки изображений на постаменте-черепахе из комплекса Мухар актуальны доводы С. Г. Кляшторного и В. Е. Войтова: «Условная связь данного памятника с именем Капаган-кагана основана на том, что это единственный из правителей Второго каганата, который мог быть "оплакан" после его гибели на р. Толе в 716 г., именно в «год Змеи» (717 г.)» (Войтов, 1996. С. 32). Однако изображение змеи выполнено в каноничной форме хорошо известной тамги-змеи и прямого отношения к указанию даты сооружения монумента, очевидно, не имеет, зато позволяет наметить цепь сопоставлений, важных для атрибуции памятника. Вопреки распространенному мнению, на памятниках Второго Тюркского каганата сочетание «тамги династии Ашина» с тамгой-змеей, которая большинством исследователей рассматривается как «родовой знак Ашидэ» (Кляшторный, 1971. С. 250–253; 1980. С. 93–95; Зуев, 2002. С. 85–86; Кормушин, 2011. С. 211; Kıdırali, Babayar, 2015. S. 30–31, 40–41), встречается крайне редко и скорее является исключением на фоне множества других примеров, рассмотренных выше, где тамга Ашина устойчиво фигурирует рядом с тамгами иных видов. Из перечня таких памятников следует исключить наскальные надписи с тамгой Ашина типа IIa из Хангидай: недавнее обследование подтвердило предположение о более позднем создании на скале изображения ползущей змеи, перекрывающего часть рунических знаков (Осава и др., 2009. С. 106–108). Сама же надпись, судя по упоминанию смерти сына Базхана, может относиться к периоду противостояния тюрков с огузами 686–691 гг. (Ekrem, 2008), но связь ее с тамгой Ашина типа IIa, прорезанной на смежной грани скалы, остается предположительной.

Как известно, иконография тамги-змеи включает два варианта изображения верхней части

знака: в форме V-образного окончания или в форме окружности (овала); оба варианта встречаются вместе на одних и тех же памятниках и, по-видимому, равнозначны. Ареал знака составляют территории Монголии, Южного Алтая и Тарбагатай, а также Чу-Илийского междуречья на западе Семиречья. Столь обширный ареал однотипного знака, включающий земли западных тюрков, безусловно, исключает атрибуцию тамги-змеи как знака идентичности исключительно рода Ашидэ, несмотря на прямое указание в цз. 72 ТХЯ — источнике сложном и противоречивом (помимо тамги № 13 для Ашидэ тот же источник указывает для Да-Ашидэ (闐阿史德) и Баянь-Ашидэ (拔延阿史德) знаки иной формы № 21, 22) (Рогожинский, 2012. Табл. 3). Систематизация имеющихся данных по территориальному распространению тамги-змеи и сочетанию ее с другими знаками тюркского периода (Тамги..., 2019. С. 283, рис. 8; Рогожинский, Черемисин, 2019. С. 52–53, рис. 5) позволяет рассматривать ее не как тамгу отдельного рода или племени, но как эмблему надплеменной идентичности — общий символ крупной группировки кочевников, подобной *те-лэ* 鐵勒 / *тэ-лэ* 特勒 или *токуз огуз* (о них см.: Ekrem, 2015; Balogh, 2018).

Итак, среди монументальных памятников Второго Тюркского каганата единственную аналогу рельефным изображениям на постаменте-черепахе из Мухар, где также сочетаются «тамга династии Ашина» и тамга-змея, представляет изваяние из Чойрэн. Здесь тамга в форме козлика относится ко второму виду (тип III), и сближает ее с тамгой типа IV основной иконографический признак: оба изображения вполне явственно передают образ козерога, а не синкретического персонажа, как тамги первого вида (тип I и II). Сказанное выше о тамге-змее не позволяет в обоих случаях рассматривать ее присутствие только как «иллюстрацию боевого взаимодействия Ашина и Ашидэ в многочисленных сражениях» (Кормушин, 2011. С. 211) или парное сочетание тамги Ашина с тамгой-детерминативом: оба знака персонализированы в бустрофедоне эпитафии из Чойрэн. Можно предположить, что утраченная стела, некогда водруженная на постамент-черепаху в Мухар, тоже содержала посвящение двум неизвестным мемориантам.

При всех разночтениях надписи на изваянии из Чойрэн остается бесспорным, что речь в ней идет о некоем Тон йеген эркине, при этом слово *йеген* 'племянник, внук (по женской линии, т. е. сын сестры или дочери)' ниже упоминается в тексте

отдельно. Можно думать, во-первых, что в составе личной ономастики это слово подразумевало именно степень родства, во-вторых, что в данном случае речь должна идти о сыне дочери или сестры Эльтериш-кагана. Таким образом, упоминание имени Эльтериш-кагана (682–691) позволяет отнести знак типа III к наиболее ранней разновидности «тамги династии Ашина». Ее иконографическое сходство с тамгой типа IV (Мухар), с одной стороны, и отмеченное для последней стилистическое совпадение первой «основной линии» (по Д. Г. Савинову) с тамгой типа Ia (стелы Кюль-тегина и Бильге-кагана), с другой, помогают определить промежуточное положение на хронологической шкале времени появления козловидной тамги с «ромбовидной» головой: годы правления Капган-кагана (691–716). Длительное использование этой разновидности тамги подтверждается ее многочисленными изображениями на стелах в Донгойн Ширээ; как здесь, так и на скалах в Бичигт улаан хад тамга типа IV выступает в сопровождении разных родоплеменных знаков. В последующем, возможно, скрупулезное исследование, систематизация и картирование ареалов этой серии знаков позволят установить состав племенных группировок восточных тюрков, связанных с теми или иными линиджами правящего рода, которым принадлежали выявленные нами виды «тамги династии Ашина».

Линидж, имя, титул и знак

Письменные источники помогают проследить определенные связи между некоторыми выделенными типами тамги Ашина, генеалогическим родством и титулом / должностью мемориантов известных памятников Второго Тюркского каганата (рис. 4).

Как сказано выше, по китайским хроникам известно, что соотносимый с мемориантом Онгинской надписи До-си-фу 咄悉匐 и при Эльтериш-кагане (682–691), и при Капган-кагане, с 697 г. (о дате см.: Bazin, 1991. P. 189; Osawa, 2011a. P. 182), командовал левым (восточным) крылом, в первом случае фигурируя в источниках как носитель титула *йабгу* (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 543, 566, 594, 624), во втором как *шад* (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 351, 546, 568, 628, 873, 1018). В первом случае сам Мо-чо 默啜, будущий Капган-каган, был назначен западным *шадом*, во втором — Мо-цзюй 默矩, будущий Бильге-каган, называется западным *шадом*, чему в Хушо-Цайдамских надписях соответствует *тардуш шад*. В даль-

нейшем в китайских источниках он так и называется «малым *шадом*» (*сяо ша* 小殺) (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 632, 1020; Мори, 1976. С. 285, 289, прим. 31). Уже в эпитафии Кан А-и Цюй да-гань 康阿義屈達干 он назван Пи-цзя кэ-хань *сяо ша* 毗伽可汗小殺 (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 851), т. е. букв. 'Бильге каган *малый шад*'. Мемориант Онгинской надписи носит титул *йабгу*, как и его старший сын Ышбара Тамган чор *йабгу* (у Т. Осава — *йога*, у М. Эрдала — *йогы*, см. теперь: Ölmez, 2016. S. 46). Если следовать идентификации меморианта с До-си-фу 咄悉匐, можно отказаться, во-первых, от обязательной традиционной привязки титулов *йабгу* и *шад* к крыльям, во-вторых, не рассматривать эти титулы в некой взаимной иерархической взаимосвязи. Нам известны примеры, когда один и тот же человек одновременно мог носить титулы *шад* и *йабгу*. Так, Чуло-хоу 處羅侯, младший брат Ышбара-кагана, на 583 г. известен как *е/шэ-ху* 葉護, т. е. *йабгу* (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 510, 524, 969), а по другому источнику — как Ту-ли *шэ* 突利設 (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 43), т. е. **тöли(ш) шад*, при этом каждый титул, видимо, указывал на какие-то особые его функции и полномочия, установленные по разным критериям. Титул *шад* может выступать в условном значении как командующий каким-либо военно-административным подразделением (Ögel, 1963). Отсюда в отношении До-си-фу 咄悉匐 можно сделать вывод, что необязательно полагать, будто «Капган лишил его присвоенного Ильтересом звания "йабгу" и после подавления очередного восстания токуз-огузов назначил "восточным шадом"» (Войтов, 1989. С. 46).

Из китайских источников мы также знаем, что вззошедший на престол в 716 г. Бильге-каган дал своему брату Кюль-тегину должность *цзо сянь-ван* 左賢王, условно 'левый *сянь-ван*', и вверил ему командование войсками (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 549, 572, 599, 632). Следуя Х. Оногаве, Бильге-каган, по ЦЧТЦ, в момент вступления на престол назван *ю сянь-ван* 右賢王, 'правый *сянь-ван*', что правильнее, чем в ТД, ТПХЮЦ и ЦТШ, где ошибочно *цзо сянь-ван* 左賢王 (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 549, 572, 599; Мори, 1976. С. 285, 289, прим. 26, 27). По мнению М. Мори, *ю сянь-ван* 右賢王 — то же самое, что *ю сян ча* 右廂察 и *ю ча* 右察, т. е. соответственно '*шад* правой стороны' или '*правый шад*' (Мори, 1976. С. 285). Вполне логично, что Кюль-тегин получил командование левым крылом после смерти Элетмиш-йабгу, или До-си-фу 咄悉匐, значившегося на этой должности ранее. Это косвенно подтверждает датировку смерти последнего в 716 г.

ние при его жизни двух *шадов* может быть анахронизмом, связанным, например, с решением увековечить в надписи Бильге-кагана в качестве его сподвижников тех, кто на момент ее составления, т. е. уже при Тэнгри-кагане, занимал должности *шадов* (тем более, что в совпадающем фрагменте надписи Кюль-тегина (КТб, стк. 27) упоминания двух *шадов* нет). Отсюда можно заключить, что два *шада*, не являющиеся братьями Бильге-кагана и Кюль-тегина, появляются примерно в 731 г. и, вероятно, один из них — упомянутый на балбале из комплекса Бильге-кагана *төлеш шад*.

Не находя согласия в вопросе, кем могли быть упомянутые два *шада* Хушо-Цайдамских надписей, исследователи сходятся во мнении, что их можно отождествить с *шадами*, которые фигурируют в источниках несколько позже, при Тэнгри-кагане, в качестве его двоюродных дядьев (со стороны отца)⁷, т. е. левого (восточного) и правого (западного) *шадов*, первый из которых — Пань Цюэ тэ-лэ 判闕特勒. Некоторые авторы склонны рассматривать их как младших братьев Бильге-кагана и Кюль-тегина (Aydin, 2007. S. 151–152; Osawa, 2011b. S. 620). Сигэо Саито стремится показать, что отец Озмыш-тегина (ТХЯ, цз. 94, с. 3а; СТШ, цз. 215б), левый (восточный) *шад* Пан-цюэ те-лэ 判闕特勒, мог быть сыном Капган-кагана (Saito, 2016. P. 283–286). Э. Экрем допускает, что эти *шады* могли быть детьми Мо-чо 默啜 (Капган-кагана) и До-си-фу 咄悉匐 (Ekrem, 2020. S. 975). Указание китайских текстов именно на двоюродную степень родства означает, что кем бы оба *шада* ни являлись, они действительно должны были принадлежать не к ветви Эльтериш-кагана; следовательно, по меньшей мере, на 741 г. *левое* (sic!) крыло находилось под управлением потомков Капган-кагана.

Согласно свидетельству Т. Осава (которое, как сказано выше, трудно проверить), надпись на стеле № 6 комплекса Донгойн Ширээ сообщает о некоем меморианте, в 7-й месяц 6-й день назначенном *йабгу*, посылавшем войска к токуз-огузам, нападавшим на токуз-татар, назначенном *төлеш шадом*. Т. Осава полагает, что надпись может быть связана именно с тем самым Пань Цюэ тэ-лэ 判闕特勒, левым (восточным) *шадом* при Тэнгри кагане, и датирована 740-ми гг. (Цогтбаатар и др., 2017. С. 74–76).

Между тем ранее Т. Осавой с Пан-цюэ те-лэ 判闕特勒 (которого он при этом считал младшим

братом Бильге-кагана и Кюль-тегина) был соотнесен *төлеш шад*, упомянутый на балбале из комплекса Бильге-кагана (Osawa, 2011b. S. 619–621). Как уже отмечалось, следуя китайским источникам, Пан-цюэ те-лэ 判闕特勒 является сыном Капган-кагана, а само отождествление друг с другом *төлеш шадов* из надписей комплексов Бильге-кагана и Донгойн Ширээ сталкивается с проблемой несходства знаков идентичности на этих памятниках, хотя в Донгойн Ширээ тоже встречается тамга типа Ic, но именно на стеле № 6 с надписью зафиксированы тамги, вероятно, типа IIa и типа III (Цогтбаатар и др., 2017. С. 52–53).

Некоторую подсказку может дать свидетельство, что мемориант надписи Донгойн Ширээ получил назначение *төлеш шада*.

Как отмечалось выше, после До-си-фу 咄悉匐 (тамга типа Ib), занимавшего должность *йабгу* и до своей смерти командовавшего левым крылом, *йабгу* стал его старший сын (Ышбара Тамган чор *йабгу*), а левым крылом предположительно до своей смерти руководил Кюль-тегин. Можно предполагать, что после его смерти в 731 г. должность командующего левым крылом занял *шад* — *төлеш шад* из надписи на балбале у мемориала Бильге-кагана (тамга типа Ic), который мог прежде, как представитель ветви До-си-фу 咄悉匐, носить титул *йабгу*, став теперь соответственно *төлеш шадом*, что отражено в надписи на стеле № 6 комплекса Донгойн Ширээ (тамга типа IIa).

В таком случае, эту надпись следует отнести к периоду до 735 г. по следующим соображениям. После смерти Бильге-кагана (25 ноября 734 г.) в стане тюрков возникла смута: китайские источники упоминают о противостоянии «желтоголовых тюрков» (хуан-тоу ту-цзюэ 黃頭突厥) и «тюрков Мо-чо 默啜» (мо-чо ту-цзюэ 默啜突厥), под которым видят выступление потомков Капган-кагана против центральной власти; другие свидетельства говорят о гибели в бою некоего кагана, с которым идентифицируется И-жань 伊然 каган. Смута завершилась в феврале 735 г. с вступлением на престол Тэнгри-кагана (Ekrem, 2020), а в 741 г., как уже говорилось, мы видим сына Капган-кагана в должности левого *шада*. Можно предполагать, что в междоусобном столкновении приняли участие потомки Капган-кагана и Элетмиш-йабгу/До-си-фу 咄悉匐; борьба завершилась для последних утратой своих позиций, хотя, по-видимому, не полностью.

Новая смута началась у тюрков в 741 г., когда по инициативе Тэнгри-кагана был убит его двоюродный дядя — правый (западный) *шад*, о котором мы

⁷ ЦТШ, цз. 194а; ЦФЮГ, цз. 196: цзун шу-фу 從叔父 (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 575, 604, 848), ТХЯ, цз. 94, с. 3б; ЦЧТЦ, цз. 214, с. 43б: цзун-шу 從叔; СТШ, цз. 215б: цзун-фу 從父 (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 639).

ничего не знаем. Сам каган вскоре пал в противостоянии с левым (восточным) шадом Пань Цюэ тэ-лэ 判闕特勒, который поставил каганом другого сына Бильге-кагана, но его (а с ним, видимо, и Пань Цюэ тэ-лэ 判闕特勒) убил некий Гу-до е/шэ-ху 骨咄葉護 (*Кут *йабгу*?), возведя на трон его младшего брата, коего затем тоже убил, провозгласив себя *каганом*. Источники не сообщают о происхождении Гу-до е/шэ-ху 骨咄葉護, но наличие у него титула *йабгу* позволяет допустить, что он мог являться одним из потомков Элетмиш-йабгу/До-си-фу 咄悉訶.

Таким образом, можно с определенной уверенностью связать тип IV тамги Ашина с ветвью потомков Капган-кагана, в то время как тамги типа Ib, Ic и типа II — с ветвью Элетмиш-йабгу/До-си-фу 咄悉訶. Наличие «полумесяца» в сочетании с тамгой тölөш шад (Ic) и с тамгой типа IV в составе комплекса Донгой ширээ (стелы № 5, 9) позволяет рассматривать это как указание на руководство левым крылом разными мемориантами, принадлежавшими линиджам Элетмиш-йабгу/До-си-фу 咄悉訶 и Капган-кагана до 735 г. и не ранее 741 г. соответственно.

Как можно интерпретировать тамгу в форме «крючка»? Заманчиво соотнести добавление к тамге Ашина трех разных типов (Ib, II и III) знака-детерминатива с обладанием мемориантом если не собственно титулом/должностью *йабгу*, то по меньшей мере гипотетически связанными с этим функциями ближайшего помощника кагана.

Надпись Карабалгасун II, сопровождающаяся тамгой Ашина типа III и знаком-«крючком», посвящена персонажу, от лица которого говорится: 'Куз (северным?) (2) *буйруком* был (я) (3) спереди (= на востоке) [находящееся] удерживавшим (= правившим) (4) был (я), позади (= на западе) [находящееся] (5) толкавшим был (я)' ((1) *quz* (2) *bujruqi ärtim* (3) *öntünüg tïdar* (4) *ärtim kidinig* (5) *itärür ärtim*); далее из контекста следует, что герой пал в сражении. Даже если Куз Буйрук — это личное имя, не предполагающее для первого элемента непосредственной, в частности «должностной», связи с 'севером', то сам титул *буйрук*, употребляющийся в памятниках древнетюркской письменности в весьма широких значениях, следует рассматривать просто как составляющий элемент. Однако, судя по тому, что стела была установлена в пределах главного военнополитического центра восточных тюрков вблизи Хушо-Цайдамских мемориалов, а также судя по тому, что говорит о себе мемориант, его следует рассматривать как довольно значительную личность и могущественного деятеля, статус кото-

рого мог вполне соответствовать предложенной интерпретации тамги-«крючка».

Выводы

Подводя итоги нашего историко-археологического исследования, следует отметить, что задачи персональной, генеалогической и функциональной атрибуции отдельных разновидностей знаков Ашина пока не имеют окончательного решения. Это требует более полного обследования и более качественного документирования соответствующих памятников. Тем не менее, проведенный анализ документальных материалов и письменных источников позволяет сделать следующие выводы.

1. Отныне следует говорить не о единой «ханской тамге» или «родовой тамге второй тюркской династии (682–744)», но о нескольких ее устойчивых стилистико-иконографических разновидностях, т. е. «тамгах династии Ашина».

2. Выделенные нами основные три вида знаков возникли не одновременно; появление новых разновидностей обусловлено конкретно-историческими событиями, вероятно, связанными с переходом центральной власти в руки лидеров разных линиджей единой династии Ашина: тип III — Эльтериш-кагана (682–691); тип IV — Капган-кагана (694–716); тип Ia — Бильге-кагана (716–734). Производные от данных видов тамги могли использоваться представителями боковых ответвлений каганских кланов: например, типа Ib, Ic и типа II — линидж Элетмиш-йабгу/До-си-фу 咄悉訶.

3. Генеалогический или клановый, но не статусный принцип выбора формы тамги подтверждает присутствие идентичных знаков на стелах Бильге-кагана, Кюль-тегина и на балбале из Хушо-Цайдама III.

Предполагается, что в дополнение к генеалогическим династийным тамгам Ашина могли использоваться знаки-детерминативы, вероятно, указывавшие на должностной статус или титул предъявителей: *йабгу* — тамга-«крючок», *шад* — тамга-полумесяц. Однако для окончательного выяснения функций и значения этих знаков следует подождать открытия новых репрезентативных памятников.

В целом многообразие форм «тамги династии Ашина», в свое время подмеченное Д. Г. Савиновым, приоткрывает завесу над более сложной, чем считалось прежде, системой визуального обозначения генеалогических связей и статусных отношений правящей элиты Второго Тюркского каганата.

Литература

- Атлас..., 1896 — Атлас древностей Монголии, изданный по поручению Императорской Академии Наук В. В. Радловым // Труды Орхонской экспедиции. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1896. Вып. 3. [4] с., табл. LXXXIII–CIV.
- Атлас..., 1899 — Атлас древностей Монголии, изданный по поручению Императорской Академии Наук В. В. Радловым // Труды Орхонской экспедиции. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1899. Вып. 4. [2], [2] с., табл. CIV–CXVIII.
- Базылхан, 2019 — Базылхан Н. Реконструкция и этимология некоторых названий тамг тюрко-монгольских этносов VIII–XIV вв. // Алтаистика, тюркология, монголистика. 2019. № 3. С. 31–42.
- Батманов, 1963 — Батманов И. А. О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Кызыл, 1963. Вып. X. С. 291–302.
- Баттулга, 2005 — Баттулга Ц. Монголын руни бичгийн бага дурсгалууд. Тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар, 2005. 240 тал. (Corpus Scriptorum; T. I).
- Болдбаатар и др., 2017 — Болдбаатар Ю., Цэрэндагва Я., Төрбат Р. Улаанчулуутын руни бичээсүүд // Монголын археологи – 2016. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академи туух, 2017. 75–81 тал.
- Войтов, 1987 — Войтов В. Е. Каменные изваяния из Унгету // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства / Отв. ред.: Б. Б. Пиотровский, Г. М. Бонгард-Левин. М.: Наука, 1987. С. 92–109, 327–331.
- Войтов, 1989 — Войтов В. Е. Онгинский памятник: Проблемы культуроведческой интерпретации // Советская тюркология. 1989. № 3. С. 34–50.
- Войтов, 1996 — Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Государственного музея Востока, 1996. 152 с.
- Грач, 1957 — Грач А. Д. Петроглифы Тувы, I. (Проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции) // Сборник МАЭ. 1957. Т. XVII. С. 385–428, табл. I–XXXII.
- Грач, 1973 — Грач А. Д. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла. // Тюркологический сборник. 1972. Памяти П. М. Мелиоранского / Отв. ред. А. Н. Конов. М.: Наука, 1973. С. 316–333.
- Зуев, 2002 — Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
- Камалов, 2001 — Камалов А. К. Древние уйгуры VIII–IX вв. Алматы: Наш мир, 2001. 216 с.
- Камалов, 2017 — Камалов А. К. Тюрки и иранцы в Танской империи. Алматы: Мир, 2017. 384 с.
- Кляшторный, 1971 — Кляшторный С. Г. Руническая надпись из Восточной Гоби // Studia Turcica / Ed. L. Ligeti. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1971. P. 249–258. (Bibliotheca Orientalis Hungarica; XVII).
- Кляшторный, 1980 — Кляшторный С. Г. Руническая надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока. 1980. Т. XXII. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. С. 90–102.
- Кляшторный, Самбу, 1971 — Кляшторный С. Г., Самбу И. У. Руническая надпись в Улуг-Хемском районе // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1971. Т. XV. С. 245–249.
- Кормушин, 2011 — Кормушин И. В. Новое в чтении и толковании Чойренской рунической надписи конца VII в. из Монголии // Тюркологический сборник. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / Редкол.: С. Г. Кляшторный (пред.), Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. М.: Восточная литература РАН, 2011. С. 202–213.
- Монхтулга, Осава, 2015 — Монхтулга Р., Осава Т. Донгойн ширээн дурсгалын гэрэлт хошооний бичээсийн анхны удаа уншсан нь // Эртний түрэгийн туух, соёл (ОУ-ын ЭШХ-ын эмхэтгэл). Улаанбаатар, 2015. 21–55 тал.
- Мори, 1976 — Мори М. Бёгю-каган и Поцзюй // Türcolo-gica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова / Отв. ред.: С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, Э. Р. Тенишев. Л.: Наука, 1976. С. 284–290.
- Осава и др., 2009 — Осава Т., Сүзүки К., Мөнхтулга Р. БИЧЭЭ-ЭС II: 2006 оноос 2008 оны Монгол улс дахь Түргийн бичээс ба эртний дурсгалыг судлах экспедицийн илтгэл. Япон-Монголын эрдэмтдийн хамтарсан төсөл «БИЧЭЭС II», Улаанбаатар: СОФЕКС. ХХК., 2009. vi, 150 тал., 3 зураг.
- Рогожинский, 2012 — Рогожинский А. Е. Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана: итоги новейших исследований и перспективы дальнейшего изучения // «Тарихи-мәдени мұра және заманауи мәдениет» халықаралық ғылыми-тәжірибелік семинарының материалдар жинағы — Сборник материалов международного научно-практического семинара «Историко-культурное наследие и современная культура» [30 ноября 2012 г. Алматы, 2012] / Редкол.: Г. Т. Телебаев, Н. С. Мухамеджанова, А. Е. Рогожинский. Алматы: Service Press, 2012. С. 91–104.
- Рогожинский, Железняков, 2019 — Рогожинский А. Е., Железняков Б. А. Клейма и тамги на двух серебряных сосудах из долины Шу и Монголии // Отан тарихы. № 3 (87). 2019. С. 167–183.
- Рогожинский, Черемисин, 2019 — Рогожинский А. Е., Черемисин Д. В. Тамги кочевников тюркской эпохи на Алтае и в Семиречье (опыт сопоставления и идентификации) // АЭАЕ. 2019. Т. 47. № 2. С. 48–59.
- Савинов, 1984 — Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
- Савинов, 2015 — Савинов Д. Г. Тамгообразные изображения горных козлов, или к определению фарна древнетюркских каганов // Реальные и знаковые формы социальной дифференциации в архаике. Миф и формы его отражения в ритуальной практике: Сб. науч. трудов семинара «Теория и методология архаики» / Отв. ред.: М. Ф. Альбедиль, Д. Г. Савинов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 64–74. (ТЕМА; Вып. VIII).
- Самашев и др., 2010 — Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги — Көне түрік таңбалары — Ancient turkic tamga-signs. Алматы: АО «Абди компани», 2010. 168 с.
- Тамги..., 2019 — Тамги доисламской Центральной Азии / Авт. кол.: С. А. Яценко, А. Е. Рогожинский, Е. А. Смагулов, К. Ш. Табалдыев, С. Р. Баратов, Дж. Я. Ильясов, Г. Б. Бабаяров. Самарканд: МИЦАИ, 2018. 452 с.
- Тишин, 2018 — Тишин В. В. Некоторые вопросы изучения тамг кочевников Центральной Азии древнетюркского времени // Тюркские кочевники в Азии

- и Европе (Цивилизационные аспекты истории и культуры) / Отв. ред. и сост. Д. Д. Васильев. М.: ИВ РАН, 2018. С. 101–113. (Труды ИВ РАН. Вып. 7).
- Тишин и др., 2020а – Тишин В. В., Акымбек Е. Ш., Железняков Б. А. Древнетюркская руническая надпись из Тоспалы (долина реки Чу (Шу), Казахстан) // Народы и религии Евразии. 2020. Т. 2. № 23. С. 37–53.
- Тишин и др., 2020б – Тишин В. В., Рогожинский А. Е., Серегин Н. Н. Тамги и руническая надпись на двух сосудах с острова Мурыйский на Ангаре // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2020. № 1. С. 191–206.
- Цогтбаатар и др., 2017 – Цогтбаатар Б., Эрдэнэ-Очир Н., Лхундэв Г., Осава Т., Батдалай Д., Анжарагдөлгөөн Г., Амарболд Э. «Донгойн ширээ»-ний дурсгалын археологийн судалгаа (Монгол-Японы хамтарсан «Дорнод Монголын эртний түрэгийн үеийн түүх, археологийн судалгаа» төслийн 2015–2016 оны малтлага судалгааны үр дүн). Улаанбаатар, 2017. 152 тал.
- Alimov, 2016 – Alimov R. II. Karabalgasun Yazıtı // Modern Türklük Araştırmaları Dergisi. 2015. Cilt 12. Sayı 4. S. 27–38.
- Alyılmaz, 2013 – Alyılmaz C. Karı Çor Tigin Yazıtı // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim (TEKE) Dergisi. 2013. Cilt 2. Sayı 2. S. 1–61.
- Aydın, 2007 – Aydın E. Eski Türk Yazıtlarının Yazılış ve Dikilişleri Üzerine // Gazi Üniversitesi. Türkiye Araştırma ve Uygulama Merkezi. 2007. Sayı 1. S. 149–158.
- Balogh, 2018 – Balogh M. Az uigur birodalomalapítás előzményei – Yaylaqarok, uigurok és tiele / oguz törzsek a kínai és a türk hatalom közt // Kultúrál találkozás és kölcsönhatás a Selyemút mentén: Ecsedy Ildikó születésének 80. évfordulójára / Szerk.: E. Dallos, G. Kósa. Budapest: SZTE BTK Altajisztikai Tanszék, ELTE Távol-keleti Intézet, 2018. 23–58 o.
- Bazin, 1991 – Bazin L. Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991 (Bibliotheca Orientalis Hungarica; 34). 571 p.
- Dobrovits, 2005 – Dobrovits M. The Tölis and the Tarduš in Old Turkic Inscriptions // The Black Master: Essays on Central Eurasia in Honor of György Kara on His 70th Birthday / Ed. A. Birtalan, S. Grivelet, R. I. Meserve, G. Sary. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. P. 33–42.
- Ekrem, 2008 – Ekrem E. Baz Kağan Meselesi // Modern Türklük Araştırmaları Dergisi (Ankara Üniversitesi Dil-Tarih ve Coğrafya Fakültesi). 2008. Cilt 5. Sayı 1. S. 47–64.
- Ekrem, 2015 – Ekrem E. Çin Kaynaklarında Dokuz Oguz Meselesi: Sayısal Yapısı // Oguzlar: Dilleri, Tarihleri ve Kültürleri. 5. Uluslararası Türkiye Araştırmaları Sempozyumu Bildirileri / Ed. T. Gündüz, M. Cengiz. Ankara: Hacettepe Üniversitesi Türkiye Araştırmaları Enstitüsü, 2015. S. 189–220.
- Ekrem, 2020 – Ekrem E. II. Gök Türkler Devrinde Sarı Baş (Gök) Türk 黃頭突厥 Meselesi // Belleten. 2020, Cilt LXXXIV. Sayı 301. S. 959–982.
- Kıdırali, Babayar, 2015 – Kıdırali D., Babayar G. Türk Bengü Taşı: Şiveet-Ulaan Damgalı Anıtı. Astana: «Gılım» Yayınevi, 2015. 78 s.
- Magail et al., 2010 – Magail J., Gantulga J. O., Yerul-Erdene Ch., Salicis C. Découverte d'une inscription turque proche de Tsatsyn ereg: Montagne de Khoyor Khavchig, Arkhangai, Mongolie // Bulletin du Musée d'Anthropologie préhistorique de Monaco [Monaco: Editions de Fontvieille]. 2010. Nu 50. P. 115–119.
- Mert, 2008 – Mert O. Öngöt Mezar Külliyesi ve Külliye Bulunan Damgalar // Atatürk Üniversitesi Türkiye Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. 2008. Sayı 36. S. 281–305.
- Mert, 2009 – Mert O. Şaahar Tepesi ve Bölgede Bulunan Kaya Üstü Tasvir, Damga, Yazıt ve Kurganlar // Atatürk Üniversitesi Türkiye Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. 2009. Sayı 40. S. 1–24.
- Munkhtulga, 2012 – Munkhtulga R. Baga Khairkhan'daki Eski Türk Yazıtları // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi. 2012. Sayı 1/1. S. 26–35.
- Osawa, 2010a – 大澤 孝 [Osawa Takashi]. ホル アスガト (Хөл Асгат) 碑銘再考 [Revisiting Khöl-Asgat Inscription in Mongolia from the Second Turkic Qaghanate] // 内陸アジア言語の研究 [Studies on the Inner Asian Languages]. 2010. № 25. P. 1–73.
- Osawa, 2010b – Osawa T. On Functional Changes of Tamga and Nishan-signs in the Old Turkic Period Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey / Ed. J. E. Pim, S. A. Yatsenko, O. T. Perrin. London; Dover: Dunkling Books, 2010. P. 341–372.
- Osawa, 2011a – Osawa T. Revisiting the Ongi inscription of Mongolia from the Second Turkic Qaghanate on the basis of rubbings by G. J. Ramstedt // Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja – Journal de la Société Finno-Ougrienne. 2011. № 93. P. 147–203.
- Osawa, 2011b – Osawa T. Türk Bilge Kağan Tahta. Oturduğu Kim Tölis Şad İdi? // “Orhon Yazıtlarının Bulunuşundan 120 Yıl Sonra Türklük Bilimi ve 21. Yüzyıl” konulu III. Uluslararası Türkiye Araştırmaları Sempozyumu. 26–29 Mayıs 2010. (Bildiri kitabı) / Ed. Ü. Çelik Şavk. Ankara, 2011. 2. Cilt. S. 611–628.
- Osawa, 2018 – Osawa T. Newly discovered Old Turkic runic inscription of the Ulaanchuluut Mountain (Red Mountain) from the Central Mongolia On the basis of the Mongol-Japanese International Epigraphical Expedition in August 2018 // Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских и монгольских языков: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., г. Якутск, 18–19 октября 2018 г. / [Редкол.: А. К. Прокопьева, А. Е. Шамаева, А. Е. Божедонова]. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2018. P. 13–25.
- Ögel, 1963 – Ögel B. Über die alttürkische Schad (Sü-Baschi)-Würde // Central Asiatic Journal. 1963. Vol. 8. No. 1. S. 27–42.
- Ölmez, 2016 – Ölmez M. Ongi Yazıtı, Sorunlar ve Çözüm Önerileri // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten. 2016. Cilt 64/1. S. 43–86.
- Saito, 2016 – Saito Sh. What is the 'Bug-chor?': A Factor in the Collapse of the Second Türk Qaghanate // The Journal of Northern Cultures Studies – 北方文化研究. 2016. No 7. P. 279–291.
- TÜRIK BITIG – TÜRIK BITIG [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://bitig.kz> (дата обращения: 10.02.2021).
- Useev, 2020 – Useev N. Moğolistan'daki Tengri kagan (Kho-yor Khavçig uul / Baga Khairkhan) yazıtları üzerine // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi. 2020. Sayı 9/2. S. 487–489.
- Ünal, 2015 – Ünal O. İhe Ashete Yazıtı: Yeni Bir Okuma ve Anlamlandırma Denemesi // Bilig. 2015. Sayı 73. S. 271–294.
- Цэнь Чжун-мянь, 1958 – Цэнь Чжун-мянь [岑仲勉]. Ту-цзюэ цзи ши [突厥集史]. Пекин [北京]: Чжун-хуа шу-цзюэ [中華書局], 1958. 1136 с.

Tamgas of the Ashina dynasty in Central Asia

A. E. Rogozhinskiy, V. V. Tishin

Concluding our historico-archaeological study it must be noted at once, that the problems of the personal, genealogical and functional attribution of particular variants of Ashina signs so far have found no final solution requiring a more complete examination and more careful documenting of the corresponding monuments (Fig. 1). Nevertheless, the conducted analysis of documentary evidence and written sources allows us to make the following conclusions.

(1) Now we must tell not about a single 'Khan's tamga' or the 'ancestral tamga of the second Turkic dynasty (682–744)' but to distinguish its several stable stylistic and iconographic variants, i. e. 'tamgas of the dynasty of the Ashina clan' (Fig. 2).

(2) The three main kinds of the signs distinguished by us emerged not simultaneously; the appearance of new variants was due to particular historical events produced, perhaps, by the transference of the central power to the hands of the leaders of different lineages of the single dynasty of Ashina: type III — of Elterish Qaghan (682–691); type IV — of Qapghan Qaghan (694–716); and type Ia — of Bilge Qaghan (716–734). Derivatives of these types of tamgas can have been used by repre-

sentatives of side branches of the Qaghan clans: e. g., types Ib, Ic and II — by the lineage of Eletmish-yabghu / Duoxifu 咄悉紇 (Fig. 4).

(3) The genealogical or clan principle, but not a status one, in the choice of the form of a tamga is confirmed by the presence of identical signs on steles of Bilge Qaghan, Kül Tegin and on the balbal from Khöshöö-Tsaidam III.

It is supposed that in addition to genealogical dynastical tamgas of the Ashina, signs determinatives can have been used, possibly, indicating the functional status or the title of the tamga bearer: yabghu — tamga-‘hook’, shad — tamga-crescent (Fig. 3). However for the final elucidation of the functions and meaning of these signs it is necessary to wait for discovery of new representative monuments. In general, the diversity of the forms of ‘tamgas of the dynasty of Ashina’, noted by D. G. Savinov some time ago, lifts the veil over the system of the visual designation of genealogical ties and status interrelations of the ruling elite of the Second Turkic Qaghanate. This system turns to be more complicated than it was presumed before.

Список сокращений

- БК, X — большая надпись на восточной стороне стелы Бильге-кагана
 БК, Ха — продолжение большой надписи на левой боковой (южной) стороне стелы Бильге-кагана
 Кб — надпись на правой боковой (северной) стороне стелы Кюль-тегина (продолжение большой надписи)
 КТб — большая надпись на лицевой (восточной) стороне стелы Кюль-тегина
 КЧ — памятник Ихэ Хушоту, или стела Кюли-чора (Вост — восточная сторона)
 СТШ — Оу-ян Сюй 歐陽修 (Юн-шу 永叔) и Сун Ци 宋祁 «Синь Тан шу» 新唐書 («Новая [официальная] история [династии] Тан»)
 ТД — Ду Ю 杜佑 «Тун дзянь» 通典 («Общий свод»)
 ТПХЮЦ — Юэ Ши 樂史 «Тай-пин хуань-юй цзи» 太平寰宇記 («Описание мира в период [правления] Тай-пин»)
 ТХЯ — Ван Пу 王溥 «Тан хуэй яо» 唐會要 («Собрание важнейших [сведений периода династии] Тан»)
 ЦТВ — Дун Гао 董誥, Жуань Юань 阮元, Сюй Сун 徐松 «Цюань Тан вэнь» 全唐文 («Собрание текстов [периода династии] Тан»)
 ЦТШ — Лю Сюй 劉昫 «Цзю Тан шу» 舊唐書 («Старая [официальная] история [династии] Тан»)
 ЦФЮГ — Ван Цинь-жо 王欽若 «Цэ-фу юань-гуй» 冊府元龜 («Изначальная черепаха императорской библиотеки»)
 ЦЧТЦ — Сы-ма Гуан 司馬光 «Цзы-чжи тун-цзянь» 資治通鑑 («Помогающее управлению всеобщее обозрение»)
 ЯЛГВЦ — Янь Чжэнь-цин 顏真卿 (Янь Люй-гун 顏魯公) «Янь Люй-гун вэнь цзи» 顏魯公文集 («Собрание сочинений Янь Люй-гуна»)